

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ.

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи В. Плавильщикова.

1860.

Печаташь позволено:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

С. П. Б. Марта 17 дня, 1820 года.

*Цензоръ, Статск. Совѣт. и Кавалеръ
Ив. Гилковской.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страницъ

I. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О вліяніи Правительсва на промышленность	I.
--	----

II. ЛИТТЕРАТУРА.

а) Изящная проза. Осада города Обиньи.

(Повѣсть).	14.
--------------------	-----

б) Стихотворенія.

Отрывокъ изъ первой пѣсни Поэмы:

Русланъ и Людмила.	44.
Къ моему пишомцу	52.
Спокойствіе моей Хлои	53.
Элегія	54.
Посланіе къ Б. . . . Дельвигу	56.
Зима.	60.
Соловей и Мопшылекъ.	61.
Эпишадія	62.
Къ Т — ой.	—

III. И Г Р А В Ы.

Отрывокъ изъ Виландовой сказы,

подъ названіемъ: Платоническія раз-

мышленія о чловѣкѣ.	63.
-----------------------------	-----

IV. Критика.

Взглядъ на текущую Словесность . . . 78.

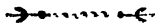
V. Смѣсь.

О завѣщаніи Петра Пишу 90.

Анекдоты 93

Разныя извѣстія 95

VI. Политическія новости 105.

І. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О вліяніи Правительства на ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Торговля, земледѣліе и Мануфактуры суть источники народнаго богатства, которое возрастаетъ съ покровительствомъ и ободреніемъ сихъ отраслей промышленности.

Въ сей истинѣ уже увѣрены Правительство, которыя единодушно стремятся привести въ исполненіе нужныя для того мѣры; но опыты часто удостовѣряютъ насъ, что не довольно только желать приблизиться къ цѣли; и иногда случается, что однимъ мало-обдуманномъ постановленіемъ изсякается источникъ, и вмѣсто умноженія благосостоянія, стесняется ходъ общества въ достиженіи къ народному богатству.

Не должно никогда перятъ изъ виду, что ошибка въ отношеніи къ промышленности, повлечетъ для себя вредныя послѣдствія для всѣхъ ея отраслей и состояній: угрожая напримѣръ мануфактуристамъ можно возбудить недовольство въ цѣломъ народѣ:

они основываютъ свои предпрїятїя на законодательствѣ существующемъ; малая переменна въ ономъ заспавляетъ ихъ переменнѣи и родъ занятїи и согласовать свои пруды и употребленїе капиталовъ съ настоящими обстоятельствоми.

Правительству надобно быть убѣждену, что всѣ его постановленїя имѣютъ большее или меньшее влїянїе на успѣхи промышленности. Оно не должно ничего дѣлать на удачу. Какъ въ шахматахъ одна шашка не на помѣ мѣстѣ постановленная часто раждаетъ разстройство и даже проигрышъ цѣлой игры, такъ еще болѣе можетъ произойти съ гражданскими постановленїями: прудно въ нихъ замѣнять и малые недостатки. Если оставлено безъ вниманїя и неважное обстоятельство, то опъ одной части замѣняется другая, и малая ошибка въ частяхъ сдѣлается великою въ цѣломъ. Это особливо случается съ нѣкими постановленїями, которыя не заимствованы изъ происшествїи и состоянїя самаго Государства.

Въ различныхъ родахъ промышленности, гдѣ каждый болѣе или менѣе спо-

сѣбѣшествоуетъ успѣхамъ другаго и соперничествуеетъ, весьма трудно согласовать различныя выгоды, чшобы покровительствуя одному не вышѣснишь другой родъ и не попрясть все зданіе. Самый малый налогъ можетъ поколебать равновѣсіе и нанести жестокой ударъ, начиная опъ перваго производителя, до послѣдняго иждивателя. И небольшое право предоспавленное имѣющимъ грубые продукты можетъ лишить фабриканта части его капиталала и возвыситъ цѣну произведеній до той степени, чшо они не будутъ въ состояніи соперничествовать на поржищѣ Европы. Такъ предспавимъ, чшо для распротраненія въ Россіи земледѣлія и торговли позволено бы было безъ пошлинъ, или съ весьма малыми вывозиць въ иностранныя Государства хлѣбъ, деревья, сало, пеньку, ленъ и пр. Цѣны сихъ произведеній земли здѣсь обыкновенно бывають гораздо ниже нежели въ другихъ спранахъ Европы, и съ симъ разрѣшеніемъ и съ большею поспребностию на оныя въ другихъ Государствахъ они бы не могли и у насъ нѣсколько невозвыситься — если не на деньги, шо на мѣну; а съ умноженіемъ цѣны на сіи грубыя произведенія, необходимыя для всѣхъ, увеличилась бы цѣна и прочихъ шова-

ровъ (*): — содержаніе мануфактурисповѣтъ такъ какъ и подапи съ нихъ и самыя пошлыны съ поваровъ падаюпъ въ цѣну ихъ произведеній; и какъ собспвенныя наши упонченныя фабрики не въ соспоянїи выдержашъ совмѣспничества иносспранныхъ, то ихъ порвары и съ наложеніемъ на оныя большихъ пошлынъ будупъ получапся на обмѣнъ нашихъ грубыхъ дорогихъ продуктовъ. Безъ сомнѣнїя симъ разрѣшеніемъ откроепся большій способъ къ сбыту нашихъ произведеній, и курсъ долженъ быпъ въ нашу пользу (**). Помѣщики отъ сего умножашъ свои доходы, и удержипся балансъ съ привозомъ иносспранныхъ поваровъ.

(*) Цѣна зависптъ отъ великости спроса, нужды и совмѣспничества, также отъ рѣдкости и моды; болѣе или менѣе выгодная торговля отъ существующаго положенїа дѣлъ, опытнаго знанїа вести обороты и капиталовъ. Кто имѣетъ въ оныхъ преимущество, тому не трудно одержашъ верхъ. Впрочемъ торговля съ богатою спраною всегда выгоднѣе, нежели съ бѣдною.

(**) О вліянїи курса на народное богатство можно видѣпъ изъ сочиненїи Монтеस्कье, Смита, Сея Шлецера и другихъ новѣйшихъ Писателей о Политической Экономїи. По мнѣнїю ихъ изъ двухъ напрымѣръ государствъ у того онъ будетъ на споронѣ, которое имѣетъ болѣе на другое векселей п. е. курсъ означаетъ только соспоянїе долга и кредита между двумя мѣспами. Почему и полагаюпъ, что изъ онаго нельзя заключипъ о перевѣсѣ торговли. Но по

И дѣйствительно при дороговизнѣ труда въ Россіи, когда и простой поденщикъ у насъ своею работою, не только въ состоянїи содержать себя, но и въ продолженїи времени, если онъ некрѣпостной, то имѣетъ право и возможность прїобрѣсти недвижимую собственность въ землѣ, гораздо полезнѣе обратить трудъ на земледѣліе и ремесла главныхъ потребностей, нежели на утонченныя мануфактуры — въ первомъ сама Природа весьма много участвуетъ въ произведенїи, а въ послѣднихъ все зависитъ отъ труда, большихъ капиталовъ, народонаселенія, искусства и долговременной опытности. По распространенїи же земледѣлія водворится и самая дешевизна. Вредъ только можетъ произойти отъ непомѣрнаго потребленія — умноженія роскоши. Намъ извѣстно правило: всякой проживаетъ столько, сколько можетъ получить. Противное лишь тому случилось во Франціи до революціи, гдѣ тогда было гораздо болѣе иждивателей, нежели сколько трудъ общества былъ въ состоянїи произвести — вопъ балансъ, на

существующей нынѣ въ оной системѣ и состоянїю государствъ онъ имѣетъ большое вліяніе на самую торговлю, производитъ болѣе или менѣе выгодную покупку и продажу товаровъ.

котóрой должно обращать вниманіе. Онъ поколебался и переворошь во Франціи сдѣлался необходимымъ.

Влїянїе Правительства на промышленность, чшобъ бышь оной полезнымъ, должно бышь основано на благоразумїи и просвѣщенїи; ему слѣдуетъ поспоянно руководствоваться однимъ началомъ: *общею пользою* — бышь удалену приспираспїя и перемѣнчивоспи.

Правительство должно ограничить себя облегченїемъ способовъ къ заготовленїю различнаго рода запасовъ для продовольствїя, обезпеченїемъ правъ собственности, открытїемъ путей къ сбыту произведенїй, доставленїемъ наивозможно большой свободы промышленности. Послѣ сего оно можетъ покоиться и предспавить все остальное собственному попеченїю производителей.

Въ намѣренїи ободрять собственные произведенїя земли, многїе думаютъ, что должно запрешить привозъ иностранныхъ; но кромѣ того, что сїя сиспема во многихъ Государствахъ будетъ вредна для фабрикъ, она изсякаетъ драгоцѣннѣйшїй источникъ мѣны, отъ котораго существенно прїумножается народное богатство.

Поле не фабрика: земледѣлецъ можетъ перемѣнить пруды свои, если не найдетъ для себя выгоды въ семь родѣ произведеній; но мануфактуристъ увидитъ все поперяннымъ, когда на поварь его или упадетъ цѣна, или съ новою модою онъ долженъ будетъ дать ему другое качество.

Не менѣе заблуждаются и тѣ, кои предполагаютъ запрещать и вывозъ собственныхъ произведеній земли подъ тѣмъ предлогомъ, что свои фабриканты должны имѣть на нихъ исключительное право: чрезъ это средство земледѣлецъ подчиняется фабриканту; опредѣляется цѣнность продуктовъ по промышленности подверженной частымъ перемѣнамъ. Никогда не надобно забывать, что произведеніе возрастаетъ по мѣрѣ иждиванія и что мануфактуристы собственной страны всегда на своей сторонѣ имѣютъ еще выгоды предъ иностранными.

Я думаю, что и польза фабрикантовъ требуетъ, чтобъ произведенія своей земли были дозволены къ вывозу. Съ открытіемъ источника сего къ сбыту продуктовъ, земледѣлецъ получитъ болѣе довѣренности къ своему пруду, цѣны отъ большаго со-вмѣстничества сдѣлаются постояннѣе и

онъ умножитъ свои произведенія, попому что будешь увѣренъ въ вознагражденіи.

Съ другой стороны: все что выгодно для земледѣльца приноситъ пользу и фабриканту: кажется, что главныя иждиватели произведеній промышленности суть жители деревень, но они проживаютъ столько, сколько позволяеть ихъ состояніе, а сіе зависитъ отъ выгодной продажи ихъ продуктовъ, въ семь только случаевъ они имѣютъ возможность покупать платье для своего семейства, животныхъ для работы.

Не довольно ободряеть только земледѣліе доставленіемъ къ тому нужныхъ способовъ, должно для сего обезпечить собственность какъ внутри, такъ и внѣ Государства, гдѣ только производится торговля. Обезпеченіе собственности не ограничивается наказаніемъ воровъ, приведеніемъ въ уваженіе полюбовныхъ сдѣлокъ, исполненіемъ договоровъ, увѣренностію въ спрогомъ и скоромъ правосудіи касательно жалобъ; оно не существуеть иначе какъ при совершенной свободѣ промышленности, и тамъ, гдѣ производители могутъ дѣлать что хотятъ, и какъ хотятъ, и всякимъ образомъ располагать предметами своего труда.

Тамъ полько обезпечены собственность, гдѣ законодательство не подвержено частымъ переменамъ. Правительство не можетъ увеличить или уменьшить правъ, какъ съ выгодою для одного и поперею для другаго состоянія: лучше имѣть несовершенные законы, нежели безпрестанно ихъ перемѣнять безъ причинъ и по обстоятельству переходящимъ: торговля и промышленность тогда не будутъ имѣть основанія; они сдѣлаются одною игрою случая.

Правительство, которое знаетъ свою истинную пользу, должно сколько возможно болѣе споспѣшествовать умноженію произведеній: богатство казны увеличивается по мѣрѣ налоговъ, а сіи послѣдніе возрастаютъ по мѣрѣ способовъ и отъ вліянія основаннаго на просвѣщеніи. Не столько трудно опредѣлить количество подапей, какъ образъ ихъ взиманія; если они похищаютъ большую часть чистаго выигрыша работы, то изсякается источникъ произведенія и тогда промышленность не окажется никакихъ успѣховъ.

Правительству должно быть увѣрено самыми опытами въ истинѣ, что пожертвованія, которыя оно сдѣлаетъ, для ободренія земледѣлія, мануфактуръ и торговли вознаграждаются; и налоги должны па-

дать болѣе не на главныя потребности жителей, но на предметы роскоши.

Вліяніе правительства должно ограничиваться обезпеченіемъ собственности, заготовленіемъ предметовъ продовольствія, покровительствованіемъ произведенію. Если оно желаетъ вмѣшиваться въ способы различныхъ производствъ, установлять куплю и продажу, — договоры, то симъ оно только приведетъ въ упадокъ промышленность, повредитъ собственнымъ своимъ пользамъ (*). Система правилъ существовавшая во Франціи въ продолженіи цѣлаго вѣка остановила тамъ совершенно успѣхъ мануфактуръ. Англичане сбросивши сіи цѣпи рабства, распространили и усовершенствовали свои фабрики, и бывши до сего назадъ, превзошли вскорѣ промышленностію прочія Государства. Нѣсколько примѣровъ довольно, чтобы увѣрить въ сей истинѣ.

Фабрики въ Аміенѣ имѣли большой сбытъ своихъ произведеній въ Испанію и Португаллію: на нихъ установлено было дѣлать шелковыя матеріи шириною въ двадцать три дюйма. Англичане перемѣнили мѣру сообразно со вкусомъ и нуждами покупателей и одержали преимущество.

Торговля Франціи съ Испанією и Пор-

(*) Такъ! но должно искоренять монополію.

пугаллїею различными лкканями продолжалась чрезъ нѣсколько вѣковъ: поспановлено было правиломъ, чпобъ основу дѣлапъ въ 1520 нипокъ, Англичане пуспили ее опъ 1200 до 1260; чрезъ сїе могли лккани продавапъ дешевлѣ и выпѣснили опшуда торговлю Французовъ.

Уваженїе еспъ первая поппребность для купца и фабриканпа; оно прїобрѣтаепся поведенїемъ, спрогою чеспноспїю, поспупками основанными на доброй совѣспи; но все сїе еще бываепъ для нихъ недоспачточно; они желаютъ, чпобъ ихъ занятїе было почитаемо.

Пуспой предразсудокъ между дворянспвомъ, которое почитаепъ торговлю низкимъ ремесломъ — вотъ причина, которая часто останавливаетъ успѣхи промышленности. Онъ господствуетъ и между самымъ купечеспвомъ: сынъ богатаго фабриканпа или купца ненавидитъ состоянїе своего опца; онъ дышетъ нѣмъ, чпобъ жить *благородно* и спараетъ перейти въ состоянїе дворянспва. Такимъ образомъ исчезаюпъ торговые дома, и кпо знаепъ по опытамъ, сколько поппребно времени, чпобъ какой-либо купеческой домъ прїобрѣлъ довѣренность и кредитъ необходи-

мый для успѣховъ торговли, топъ не удивился, что народное богатство споль медленно пріумножается,

Это заблужденіе какъ бы опчуждаетъ купцовъ и фабриканповъ опъ своего Государства; они чувспвуютъ всю пользу, которую приносятъ обществу, но съ тѣмъ вмѣстѣ видятъ что ихъ не примѣчаютъ; почему и не думаютъ о пользѣ общей, а занимаютъ только собственными выгодами.

Юмъ справедливо говоритъ, что торговля имѣетъ сполько же поспребности въ уваженіи, сколько и свободѣ; и если правительство не печется о томъ, чтобы сдѣлать полезныя занятія достойными вниманія, то симъ погашаются всѣ благородныя чувства любви къ опечеству; тогда оно само яворитъ эгоизмъ и производитъ, что одна только частная польза управляетъ поступками.

Чтобы увѣришься, какое благодѣтельное имѣетъ вліяніе уваженіе къ торговлѣ, довольно только бросить взглядъ на Англію. Тамъ сынъ Лорда не краснѣетъ сидѣть въ конпорѣ своихъ предковъ и когда

призываютъ его принять мѣсто въ Парламентѣ, но онъ оспариваетъ дѣламъ благородное спяжаніе своихъ оборотовъ. Тамъ все цѣнится по той мѣрѣ, сколько приноситъ пользы обществу; она одна производитъ опличія и раздаетъ почтеніе. Тамъ общая польза есть польза каждаго, потому что сія сила приводитъ въ движеніе все политическое шѣло Англїи.

II. ЛИТТЕРАТУРА.

а.) Изящная проза.

ОСАДА ГОРОДА ОБИНЬИ.

(Повѣсть.)

Иоаннъ Спуарсъ, Коннепаль Шотландскій получилъ въ награду за великія услуги, оказанныя имъ Франціи, городъ Обиньи съ его областью, въ качествѣ владѣнія непосредственно зависящаго отъ Короны. Племя Спуарсовъ перемѣнило свое родовое семейное имя на названіе новой своей вѣщины.

Иоанна уже не было: Клеменпина Д'Антрагъ, вдова его, находилась съ своимъ единственнымъ сыномъ въ Обиньи. Далеко отъ междоусобій, раздѣлавшихъ тогда ея опечесство, она тогда совершенно посвятила себя лучшему, прекраснѣйшему занятію, — воспитанію своего сына.

И на нее простиралось по очарованію, которымъ юный Король, Генрихъ IV плѣнялъ благородныхъ женъ своего времени. Она видѣла въ немъ идеалъ молодаго Героя: нѣжная мать, она примѣчала между нимъ и своимъ сыномъ восхищительное сходство. Сама похожая во многомъ на

Анну д'Альбре, мать Генриха, она рѣшилась образованіемъ, которое намѣревалась дать молодому Графу, повторить въ немъ нравъ и душу своего обожаемаго Государя. — Она пользовалась всѣмъ, что только могла узнать о воспитаніи Генриха, объ обстоятельствевахъ, въ которыхъ онъ когда нибудь находился: полный, блистательнѣйшій успѣхъ увѣнчалъ ея старанія.

Д'Обиньи не было еще 18^{ти} лѣтъ, когда онъ узналъ первую любовь и всю сладость ея: онъ спраспно влюбился въ прелестную Розалію, дочь славнаго Клавдія де-ла-Шапръ, Маршала Франціи, намѣстника области Берри. Бракъ молодыхъ любовниковъ былъ опсроченъ до возвращенія Клермона д'Анпрагъ, родителя Клементины, который заснулъ у Графа мѣсто отца и нынѣ старикъ, пожиналъ еще лавры подъ знаменами Короля и славы. Розалія въ дѣтскомъ еще возрастѣ лишилась матери и жила въ Обиньи у пепки, между тѣмъ какъ ея отецъ, предводительствуя вѣренными ему войскамъ, имѣлъ славное свое мѣсто-пребываніе въ разстояніи только нѣсколькихъ дней ѣзды отъ города. Согласіе его уже было получено, и ожидали только прибытія спа-

рика д' Анпрагъ, чптобы совершилъ бра-
косочешаніе. Въ такихъ обстоятельствахъ
Клеменпина получила вдругъ слѣдующее
письмо:

„Радуйся, дочь моя! Король при Иври
выигралъ славное сраженіе: я раненъ, и
не хочу скрывать опъ моей достойной,
мужесивенной дочери — раненъ смертель-
но. Я умираю съ чеспію, ибо умираю за
дѣло правое: чего мнѣ желать болѣе? — Бе-
регись Маршала. Мнѣ говорилъ самъ Ко-
роль, чпто онъ измѣнникъ: его переписка
съ Лигою перехвачена. Перерви всѣ связи
съ врагомъ швоего Государя. Прости! за
сына своего пы опвѣчаешь передъ Богомъ
и опечесивомъ. Мой духъ будетъ парить
надъ вами, если онъ за смерть мою опом-
спитъ мяпежникамъ и по силамъ своимъ
замѣнитъ Королю мою потерю. Просни-
те, друзья мои!“

Клеменпина заперлась и оплакала сво-
его родителя; потомъ велѣла призвать
сына. Она объявляетъ ему смерть его дѣ-
да, слышитъ съ восхищеніемъ кляшвы его
молодости; его мужества, воспаляетъ
его геройское упоеніе болѣе и болѣе; —
наконецъ, вручаетъ ему письмо Клермона,
и требуетъ опъ него великой жертвы,
требуетъ чпто бы онъ отказался опъ вся-

кой надежды вспушишь когда — либо въ родство съ Маршаломъ. Злополучный юноша блѣднѣетъ: онъ съ жаромъ защищаетъ отца Розаліи, называетъ его обвиненіе выдумкою зависплавыхъ царедворцевъ, даже говоритъ: что если бы и въ самомъ дѣлѣ ла Шапръ былъ предапелемъ, невинная дочь не должна спрадать за его пресупленіе. Клементина возражаетъ на все вдохновеніями спраспной приверженности къ Генриху, спрогого чувства чести, гордости и родипельской нѣжности; молодой Графъ колеблется, умолкаетъ, и наконецъ судорожнымъ усиліемъ души побѣждаетъ самага себя: Клементина бросается съ слезами радости въ его объятія, называетъ его Героемъ, живыми красками описываетъ всю цѣну, все величье жершвы его; клянѣтся, что сама увѣдомишь обо всемъ несчастную Розалію, будешь ей утѣшительницей и другомъ, увѣришь ее самое нѣжно и бережно въ необходимости ужаснаго разрыва.

Клементина сдержала свое слово. Но Розалія была неуспѣшна: добрая дочь не вѣрила измѣнѣ отца своего; она всѣ слова Графини почиспала однимъ предлогомъ, однимъ извиненіемъ невѣрности Обиньи. Наконецъ она рѣшается писать къ Мар-

шалу, заклиная его разрѣшивъ мучительныя сомнѣнїя.

Ла Шапръ былъ приведенъ въ недоуменїе письмомъ ея. — Его намѣренїе было не прежде обнаружитъ свой образъ мыслей, какъ послѣ свадьбы молодаго Графа съ Розалїей, и употребитъ самый союзъ сей, чптобы преклонилъ на свою сторону семейство Обиньи и многочисленныхъ ихъ преверженцовъ. Теперь онъ видитъ себя въ необходимости отказаться отъ сей надежды: ему остается только одно — выступитъ явнымъ врагомъ тѣхъ, которыхъ хотѣлъ сдѣлать своими союзниками, воспаль неожиданно и вдругъ противъ Короля, котораго уже долго ненавидѣлъ тайно, опложился отъ него и въ поже время опмститъ своимъ новымъ непрїятелямъ за личную обиду, за безчестїе нанесенное его дому. Въ своемъ отвѣтѣ къ дочери, онъ сколько могъ, берегся оскорбитъ извѣстную ему привязанность къ Королю; онъ всего болѣе говорилъ ей о клятвопресупномъ непоспомянствѣ Обиньи, о поношенїи сдѣланномъ ей и ему, онъ надѣялся черезъ поклонить ее на свою сторону и въ заключенїе приказывалъ ей опправиться къ нему въ спань, оставивъ немедленно городъ,

въ копоромъ на каждомъ шагу ожидають ея спыдъ и посмѣянїе, ненавистный городъ, копорому опомспишь мечемъ и пламенемъ.

Сїе письмо было опсправлено съ надежнымъ гонцомъ и вскорѣ ла Шапръ собралъ все войско свое, увлекающимъ краснорѣчїемъ воспламенилъ онъ воиновъ приверженныхъ къ нему слѣпо и заспавиль ихъ съ рвенїемъ подвизались на то, что называлъ дѣломъ Бога и Опечеспва; они поклялись ему враждою и ненавистїю Генриху, невѣрному, опспверженному Церковїю; всѣ громко восклицали, что будущъ сражашься подъ его знаменами до послѣдней капли крови и онъ охотно бы повелъ ихъ шупъ же къ Обиньи, если бы сперва не хопѣлъ дожdashься прїѣзда своей дочери. Но вмѣсто ея изъ города только прибылъ гонецъ его. Онъ привезъ слѣдующее письмо:

„Бапюшка! Ничто, ниже собспвенное ваше письмо, ничто не можешь меня увѣришь, что вы приспали къ тому злобному союзу, копорый опустошаетъ Францїю и спараешь свергнушь ея въ бездну гибели. Если же не смотря на это справедливо то, что о васъ рассказываютъ, — проспшите дочери, копорую вы сами воспитывали въ любви и въ привязанности

къ ея законному Государю; проспите ей, что она боится свиданія попому что не хочеть видѣть обремененныхъ васъ обвиненіями и слезами, всѣхъ пѣхъ, которыхъ говорятъ, хотите наказатъ вы за ихъ вѣру и вѣрность къ лучшему изъ Государей. Тѣпушка, собственная сестрица ваша, одобряетъ мое намѣреніе. Я увѣрена, дражайшій родитель, что вы не замедлите обидные обличить во лжи слухи, которые разсѣваютъ о васъ безъ сомнѣнія враги ваши. Да приблизитъ Небо минушу вашего и моего успокоенія и счастья!“

Ла-Шапръ былъ пораженъ, какъ громомъ: сердце его терзалось и стыдомъ и гнѣвомъ, и родительскою нѣжностію и огорченіемъ ненависти; онъ опдалъ приказаніе войску приготовиться на другой день рано поутру къ походу подъ стѣны Обиньи.

„Намъ пропивустоятъ мальчишкѣ:“ говорилъ онъ своимъ вечеранамъ; „ему нѣтъ и 20 лѣтъ; онъ искусенъ въ однѣхъ биввахъ любви и мирнаго турнира. Но пусть и бросится на насъ со всемъ жаромъ безразсудной молодости: первое привѣщаніе нашихъ огнемешательныхъ ору-

дѣй обольеть его холодомъ снраха; мы побѣдимъ еще до сраженія!“

Молва о приближеніи Маршала вскорѣ распространилась въ Обиньи. Защитниковъ города было не много, и между предводителями ни одного опытнаго полководца. Герольдъ ходилъ по улицамъ и сзывалъ гражданъ на городскую площадь. Всѣ собрались, всѣ молчали. Вдругъ является молодой Графъ, проходитъ въ безмолвіи ряды вѣрныхъ: за нимъ слѣдуетъ незнакомый воинъ въ тяжелыхъ, блистательныхъ лапахъ. Они всходятъ, величественные, по ступенямъ главнаго Собора, останавливаются, — народъ въ ожиданіи, но поварищъ вдругъ поднялъ забрало — и всѣ съ удивленіемъ узнають Клементину. Весь воздухъ исполнился восклицаніями восторга! она махнула рукою и снова вездѣ лишина, какъ будио бы въ пустынѣ.

„Добрые соопечественники, храбрые Французы!“ говоритъ Героиня съ швердымъ спокойствіемъ: „Нѣтъ, — никогда не буду опасаться чего нибудь съ вами! я вижу всѣ вы гоповы сражались за Короля, за отца вашего! пусть мятежники насъ превосходятъ числомъ: что значить число? мы превосходимъ ихъ рѣшительностію, Вѣрою въ Бога и въ правоту на-

шего дѣла! Небо поможетъ вѣрнымъ сынамъ опечесива, готовымъ пролить кровь свою за Генриха, Небо поможетъ дѣлать, защищающимъ отца своего! такъ, справедливость на нашей споронѣ и мы не усомнимся пожертвовашъ ей собою, даже когда бы и было не избѣжно паденіе наше, мы всѣ думаемъ и чувствуемъ одинакимъ образомъ и всѣ одинакимъ образомъ спанемъ дѣйствовашъ. Счастливы, если даже умремъ за Государя добраго и великаго!“

Здѣсь громкій вопль народа прервалъ ее: да здравствуй Государь добрый и великій! мы побѣдимъ въ дѣлѣ Великаго! мы опомсимъ за добраго!“ и всѣ ринулись къ оружію. Они возвратились: Клеменшина принимаетъ ихъ, разговариваетъ съ каждымъ, каждому означаетъ мѣсто его, спарики, женщины, дѣти воспаменяющія ея мужествомъ: бѣгутъ, несутъ мечи и копья, вооружаютъ своихъ братьевъ, вооружаютъ сыновъ своихъ; другіе возвращаются, обремененные припасами съестными, снарядами военными. — Все спановишя общимъ; всѣ забываютъ самихъ себя и думаютъ объ одномъ опечесивѣ: сердце Клеменшины, казалось, билось въ груди каждаго гражданина.

И крайняя была пора приготовишя прошивоспашъ непріятелю: уже со всѣхъ

сторонѣ спекались въ городѣ несчастные, вѣспники похода Лигисповѣ и ужасныхъ опустошеній ихъ. Едва на другой день вошло солнце великолѣпное, ослѣпительное, и — спражи извѣспили, что видяшъ въ опдаленіи черное облако: спѣшапъ на стѣны и башни, и взорамъ всѣхъ открываешя необозримое войско, оружіе его блещетъ, оно приближается гордо и въ молчаніи. Вдругъ трубы и лишавры заиграли, полки оспанавливаюшя, окружаюшъ городъ и начинаюшъ раскидывашъ по холмамъ и долинамъ бѣлые шапры свои.

Осажденные слишкомъ были малочисленны, чтобы оспавиншъ спѣны и напасшъ на непріятелей. Они не знали, дождупся ли съ какой нибудь спороны помощи; но они думали, долго ли продляшя скудные припасы ихъ, не помышляли о крайности, въ которой будупъ находипся, когда испощапся всѣ средспва къ продовольствію; всѣ были гошовы исполняшъ и перѣпшъ все что ни припшелъ долгъ, правое дѣло и любовь къ Королю законному. Принужденные ограничипъ себя единспвенно охраненіемъ стѣнъ, спрогимъ наблюденіемъ за всѣми предпріятіями вражескимъ и добрымъ, искуснымъ употребленіемъ орудій, они не могли препяшспвовапъ ла-

Шатру вскорѣ отккрышь подкопы и стѣ-
 снись городъ опъвсюду и съ часу на
 часъ когда Маршалъ могъ уже предполо-
 жись, что жипели видяшь счастливый
 успѣхъ его предпрїятїи, онъ отправилъ
 въ городъ Офицера съ самыми выгодными
 предложенїями. Посланнаго представили
 Графинѣ. Онъ увидѣлъ ее возлѣ ея сына
 памъ, гдѣ угрожала всѣмъ величайшая опа-
 сность. Она повелѣла изумленному послан-
 нику говорить. „Графиня!“ сказалъ онъ:
 „Маршалъ удивляется вашимъ талантамъ,
 вашему мужеству; но онъ желаетъ мира
 и вашей дружбы. Онъ принимаетъ истин-
 ное въ васъ участїе и совѣтуешъ вамъ
 опказаться опъ усилїи бесполезныхъ и
 щещныхъ, вредныхъ единспвенно вамъ и
 споронѣ вашей, осщавьте ложную славу,
 копорую, кажешся, выбрали вы вождемъ
 своимъ: она пребуешъ опъ васъ невоз-
 возможнаго. Сжалыпесь надъ мирными граж-
 данами и надъ вашими храбрыми сподви-
 жниками: ихъ кровь не должна бытъ про-
 лиша безъ цѣли, безъ малѣйшей надежды
 на успѣхъ и побѣду! Чшо могутъ они,
 горсь воиновъ — конечно храбрыхъ, и пол-
 па мѣщанъ и ремесленниковъ безъ оружія
 и ратнаго духа, — чшо могутъ они про-
 пиву многочисленныхъ дружинъ сѣдыхъ

героевъ, предводитель коихъ Полководецъ опытный, неуспрашиваемый? при дня и городъ непременно будетъ въ нашихъ рукахъ, и вы, Графиня, вы будете виновницей всѣхъ бѣдствій, всѣхъ ужасовъ, которые обрушатся на пѣхъ самыхъ несчастныхъ жителей, коихъ приверженность къ вамъ столь прогашельна и къ несчастію заставила васъ опважиться на покушеніе столь для нихъ пагубное! Уступите обшпояпельствамъ, милоспивая государыня; признайте Генриха за что его признаетъ вся Франція: за предводителя враговъ опеческна, за Государя опвергнушаго ненавистію, не земными спрастями какой нибудь паршій: но самимъ Небомъ, ибо волю небесную познали мы изъ устъ Свяшаго служителя Бога, изъ устъ опца правовѣрныхъ. Опоприте вороша и опшаньшесь неограниченно опладательницею города. Маршалъ прикажетъ ополько двумъ тысячамъ воинамъ вступитъ въ спѣны для охраненія общей безопасности и они, Графиня, они даже будутъ повиноваться непрекословно вашимъ приказаніямъ!..“

Клементина опвѣчала: „ваша рѣчь, милоспивый государь, была длинна и хороша: опвѣтъ мой короче и лучше. Мой

отецъ палъ за Короля, дочь и внукъ его не знаютъ большей славы!“

Офицеръ долгое время молчалъ, наконецъ онъ попросилъ позволенія говорить съ Розаліею. „Мое препорученіе къ ней не касается выгодъ Государства,“ сказалъ онъ: „это препорученіе отца къ своей дочери!“ Клеменпина послала къ теткѣ двѣицы Ла-Шапръ, велѣла извѣстить и о требованіи парламента и спросить, готовы ли дамы принять его. — Для предупрежденія всѣхъ толковъ, обѣ онѣ явились тотчасъ же, чтобъ выслушать его при всѣхъ. Розалія была въ черномъ покрывалѣ, она спояла горестная, съ поникшею головою — не лзя было представить себѣ ничего прогашельнѣе и прекраснѣе: Офицеръ казался пораженнымъ, казался лишеннымъ присущаго духа и твердости; это не могло не быть лестнымъ Розаліи, оно и должно было быть ей лестнымъ. Посланный началъ говорить хитро, сильно, убѣдительно; Розалія не колебалась: окруженная ожидающими жителями, раздраженная гордымъ видомъ виновницы своихъ несчастій, подкрѣпленная близостию милаго, она увѣряла, что если Богъ не услышитъ моливъ ея и не перемѣнитъ сердца родителя, она, подобно

Графинѣ готова умереть за Короля и за дѣло правое.

„Нѣтъ, долѣе я не въ состоянїи скрыть чувствъ своихъ!“ воскликнулъ Посланнѣй Маршала: „все что я ни видѣлъ, и особенно ваши слова, сударыня, совершенно переродили меня, меня которѣй для васъ вовсе ничего, для котораго вы только предметъ уваженїя и почтительнаго удивленїя. Сколь несравненно сильнѣе по дѣйствовали бы своимъ плѣнительнымъ присупствїемъ на родителя: вы единственнѣй для него драгоценнѣйшїй залогъ любви, вы дочь его! я знаю вашего отца: я увѣренъ оно удастся — вамъ должно все удастся!“

Раздались восклицанїя народа: всѣ пребывали, чтобы Розалїя опважилась уговорить отца и прїобрѣсть въ немъ друга городу и доброму Генриху, — и Розалїя упоенная общимъ восхищенїемъ, быть можетъ, увлеченная и щещеславїемъ, отправилась въ спальнѣ Маршала.

Сей неперпѣливо ждалъ возвращенїя посланнаго: вдругъ Офицеръ вспупаетъ въ его спальнѣ, за нимъ слѣдуетъ бѣдная дѣвушка и падаетъ къ ногамъ родителя. Она говоритъ ему, все что внушаютъ ей честь и дѣйская любовь, все съ жаромъ

и съ полною чувствъ; она обнимаетъ колѣни отца суроваго, жестокаго: и все было тщетно и напрасно! Онъ не могъ ей отказать въ своемъ уваженіи, но сіе уваженіе заставило его только скрыть свое бѣшенство, и онъ заключилъ съ припворнымъ хладнокровіемъ: „ты женщина, я — тебѣ прощаю! ты дочь моя — первый Государь дочери отецъ ея!“ Онъ велѣлъ отвѣсть ее въ другую ставку, гдѣ ее отдали служительницамъ: имъ приказано оказывать Розаліи всѣ знаки величайшаго почтенія, но строго присматривать за нею.

На другой день еще до разсвѣта началась пальба и вскорѣ съ восточной стороны были разрушены всѣ укрѣпленія города. Клементина поспѣшила къ пролому и сама рѣшилась защищать это опасное мѣсто. Солнце взошло. Осаждающіе въ сомкнутыхъ рядахъ приблизились со всѣхъ сторонъ и въ одно и тоже мѣсто. Неуспрашимо жители выдержали первый стремительный напоръ приступающихъ: подъ предводительствомъ Клементины они ничего не спрашили. Самъ Маршалъ приспавилъ первую лѣстницу къ стѣнѣ и съ шпагою въ рукѣ открылъ приступъ; за нимъ слѣдовали съ восклицаніями радости его воины; въ одинъ и тотъ же мигъ

по спу другихъ лѣстницъ взбирались вверхъ рядовые и предводители. Между шѣмъ ядры съ другихъ споронъ скакали по укрѣпленіямъ, вырывали кирпичи и громили башни и спроенія. Клеменпина опражала Маршала и наконецъ сама сбросила его со спѣны, на кошорой онъ уже споялъ одною ногою. Возлѣ ней сражался молодой Обиньи; онъ вдавался въ величайшія опасности, онъ шворилъ чудеса храброспи, лапы его во многихъ мѣспахъ были прорублены, — шлемъ не защищаль уже головы его: и вдругъ рыцарь непріятельскій, росту исполинскаго, нѣкто Кюмье опшпалкиваетъ Графа и — уже на спѣнѣ. Обиньи бросаешся на него, — рыцарь опбиваетъ ударъ и заносишся широкимъ мечемъ: смерть уже надъ головою опважнаго юноши, но храбрый гражданинъ, споявшій близко него, успремляется подъ самый размахъ непріятеля, падаеш мерпвъ и спасаеш Героя, кошорый въ шоже мгновеніе опомщаеш за несчастнаго, вонзаетъ желѣзо въ ужаснаго и сбрасываетъ въ городъ шрупъ его. Вопще жипели заклинаяшъ Клеменпину и сына ея удалишся съ пролома: „нѣшъ,“ говорила она, „именно здѣсь мы должны бышъ, здѣсь, гдѣ величайшая опасность, гдѣ славно побѣдиш и гдѣ умереш славно!“ Такими при-

мѣрами они болѣе и болѣе воспламеняли, одушевляли вѣрныхъ. Здѣсь рубили лѣспницы и далеко откидывали ихъ, пашь скапывали на осаждающихъ бревна и каменья, копорые увлекали ихъ за собою и раздавливали, женщины приносили кипящую смолу, спарцы и дѣпи лили ее на непріятелей. Но изломанныя лѣспницы замѣнялись другими, свѣжія войска заступали мѣсто раненыхъ и убитыхъ; кто не могъ достигнуть пролома, прикрывалъ приспупающихъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ, многіе бросали прикрѣпленныя къ веревкамъ крюки и спаскивали ими осажденныхъ. Съ семи часовъ поушру по самый полдень обѣ стороны сражались съ равнымъ мужесшвомъ. Пяшь разъ непріятели входили на спѣны, пяшь разъ ихъ опрокидывали. Ла Шапръ наконецъ, выведенный изъ себя споль неожиданнымъ сопротивленіемъ, беретъ въ одну руку главное знамя, въ другую свой ужасный мечъ и снова спремится по лѣспницѣ. Онъ взлешаетъ на валъ, не смотря на соединенное усиліе прошивныхъ: казалось, какъ будто бы оцѣпененіе предшесшвовало ему, какъ будто бы нѣкое божество осѣняло его щипомъ своимъ. Онъ водружаетъ знамя, и восклицаетъ: „побѣда!“ — Побѣда!“

опвѣчаетъ ему воинство. — Осажденные ужаснулись его клика, опустили всѣ руки; многіе бросились бѣжать. Но вдругъ увидѣли Клеменшину: „что шамъ?“ взываетъ она громкимъ голосомъ: „шамъ шлемы! шамъ въ дали блески оружіе! о спойте, спойте! Генрихъ уже ли вы его не видите! да здравствуетъ нашъ добрый Король! онъ идетъ, онъ найдетъ насъ вѣрныхъ и мужественныхъ!“ и въ пуге минуша она схватываетъ непріятельское знамя, бросаетъ его на землю, и топчетъ ногами. Ужасъ обуялъ митрежниковъ, — самъ Ла Шапръ опспускаетъ: и свѣжая опвага льется въ души добрыхъ гражданъ и воиновъ.

Хипросъ Клеменшины удалась; но вскорѣ Маршалъ останавливаетъ своихъ бѣгущихъ ратниковъ и возобновляетъ подъ стѣнами грозную, кровопролитную бунду: онъ самъ умерщвляетъ и гонитъ ненавистныя полчища со всемъ неисповсвомъ, со всемъ бѣшенствомъ раздраженного льва. Но въ пылу боя его поражаетъ мечъ молодого Графа, прорубаетъ кольчугу, проникаетъ глубоко въ шло. Ла Шапръ колеблется, толпы непріятелей вокругъ его становаются чаще, толпы его воиновъ рѣдуютъ: и вотъ онъ упалъ у подошвы стѣны

вражеской. Тогда Обиньи высоко поднялъ окровавленный булавъ свой и воскликнулъ въ услышаніе всѣхъ: „Ла Шапръ умираетъ! вопъ кровь Ла Шапрора! да здравствуетъ Король! Да здравствуетъ Гейнрихъ!“ Послѣднія лѣстницы подламываясь подъ ногами приступающихъ: они бѣгутъ, они прыгиваютъ съ валовъ и стѣнъ: городъ спасается! — и по стѣламъ убитыхъ, умирающихъ и раненыхъ Обиньи преслѣдуетъ уже непріятелей, которые бросаютъ оружія и спѣшатъ, какъ будто за ними слѣдуетъ Божій страхъ и караніе.

Въ величайшемъ смятеніи побѣдители и побѣжденные достигаютъ рва, окружающаго станъ Маршала. Легислы пѣсняясь, переходятъ ровъ. Графъ слѣдуетъ за ними упорно. Но въ станѣ оставшееся охранное войско и первыя полны спасшихся уже подъ предводительствомъ опытныхъ начальниковъ ожидали безразсуднаго нападенія; къ нимъ каждое мгновеніе присоединялись новыя силы и вскорѣ Обиньи съ горстью своихъ былъ окруженъ многочисленными непріятелями. Онъ силился пробиться сквозь ряды ихъ; но его обезоружили и повели въ ставку Маршала.

Сей между стѣмъ лежалъ здѣсь безъ чувствъ и безъ памяти вырученный не-

устрашимостію своихъ ближнихъ рапниковъ. Онъ оглянулся: врагъ сидѣлъ возлѣ него и перевязывалъ его раны, изъ коихъ однако же ни одной не было смертельной. Друзья его тихо и оспорожно пересказывали ему всѣ несчастія осаждающихъ, и вдругъ онъ вскочилъ и хотѣлъ вырваться и погибнуть съ честію, если не суждено ему быть побѣдителемъ. Еще боролся онъ съ окружающими, еще Розалія, умоляя, обнимала его колѣна: какъ вдругъ несуть вѣсть радости — шумъ же вводящъ въ шатеръ молодого Обиньи, обезоруженнаго, покрытаго прахомъ и кровію.

Грозный румянецъ выступилъ на лицѣ отца, между тѣмъ какъ дочь поблѣднѣла и едва едва могла удержаться на ногахъ. Маршалъ обратился къ пѣвнику съ улыбкою негодованія и спросилъ его, все ли онъ еще въ томъ мнѣніи, что Небо помогаетъ тому, кто сражается за Генриха? Обиньи отвѣчалъ ему твердымъ голосомъ: „да сохранитъ Богъ моего законнаго Короля и Государя, и да поразитъ Онъ бунтовщиковъ и враговъ опечества, если бы они даже происходили отъ столь же благородной крови и были облечены въ столь же высокія достоинства какъ вы, господинъ Маршалъ!“ Ла Шатрѣ

подалъ знакъ, и молодаго гѣроя вывели изъ палатки.

На другой день, когда Клеменпина, зная уже о несчастіи своего сына, но швердая и готовая на все, показалась своимъ воинамъ, ей предсавляющъ перваго Адьюшанта Маршалова, присланнаго къ ней для переговоровъ. Онъ подаетъ ей своеручное письмо Военачальника. Графиня его распечатала и прочла въ слухъ. Содержаніе было слѣдующее: что сына ей возвращишь пошчасъ, когда она сдастъ городъ; что если она почиаетъ обязанностію не нарушать присяги, данной ею Генриху, она можешъ вмѣстѣ съ молодымъ Графомъ удалиться изъ города, а попомъ изъ обласпи, обязуясь честнымъ словомъ не принимашъ никакого участія въ междоусобной брани, что въ случаѣ, если, прошивъ чаянія, она не захочетъ сдать города, сынъ ея немедленно будетъ преданъ казни, какъ измѣнникъ и противникъ законнаго Правительства. — Графиня и всѣ присупствующіе знали Маршала и могли бытъ увѣрены, что слова его не пусшыя угрозы. Материнское сердце сжалось: ее должны были поддержать, чшобъ она не упала. Живѣйшее умиленіе и глубочайшее безмолвіе нѣсколько минушь

царспвовало. Когда Героиня, ободрившись попомъ нѣсколькo, хотѣла отвѣчать, вдругъ, какъ будто въ одинъ голосъ, раздалось со всѣхъ сторонъ: „сдай городъ! спаси своего сына!“ Сїи восклицанїя возвращали великой женщинѣ пвердоспъ ея.

„Нѣпъ!“ сказала пихо, но рѣшипельно: „нѣпъ! вѣрные сподвижники моего сына, вы не захопите бытъ предапелями опечеспва, чеспи и правды изъ леспнаго великодушїя къ моему семейспву! Если умерепъ ему положено волею Промысла: да умрепъ онъ, послушный и доблеспный! Но Небесный Судїя пошлепъ ему спасенїе, — ннѣ говорипъ моя Вѣра: — Онъ пошлепъ ему спасенїе!“

Она умолкла; — попомъ продолжала прерывающимъ голосомъ: „можете ли думать, добрые сограждане, чпобы сынъ мой былъ когда въ состоянїи благодарить васъ за свою выручку? Нѣпъ, жизнь для него будетъ бременемъ, если будетъ куплена цѣною вашей вѣрности. Ужели вы хопите бытъ къ нему жесточе самыхъ мяпешниковъ? Они гоповятся его украсипъ вѣнцомъ мученическимъ и лаврами неувядаемой славы: а вы ужели хопите лишипъ его сего вѣнца и сихъ лавровъ?“ Тупъ прервали ее бурныя восклицанїя:

„нѣтъ, нѣтъ! мы все упоиубимъ, чшо-бы спаси его! или по крайней мѣрѣ ужа-сно опомснись за него, и падемъ вмѣстѣ съ нимъ!“

„А я,“ сказала Клементина вдохно-венно и величественно: „я клянусь передъ лицомъ Всевышняго всемъ, всемъ жертво-вать Вѣрѣ и вѣрности, и да поразишь меня гнѣвъ Его, если когда опшуплюсь опъ своей клятвы!“ Ея самоотверженіе въ мигъ перелилось въ души всѣхъ, и всѣ они съ торжественностію, потрясающею сердца, произнесли за нею грозные обѣщанія. Потомъ Графиня обрапилась къ Адью-паншу съ святымъ, небеснымъ спокойствіемъ. „Возвратишесь, милоспивой государь, къ пославшему васъ и расскажише ему, чшо видѣли.“ — Распроганный, смущен-ный, пораженный, повѣренный Маршала не могъ произнести ни слова; съ непри-творнымъ, глубокимъ благоговѣніемъ пре-клонилъ онъ колѣна передъ героинею, по-цѣловалъ ея руку и удалился въ безмолвіи.

Маршалъ ожидалъ его, окруженный всемъ своимъ Генералипешомъ: на всѣхъ лицахъ была написана довѣренность въ успѣхахъ посольства. Серикуръ началъ по-вѣщивать о всемъ, чему въ городѣ былъ свидѣшелемъ: въ продолженіи разсказа душа

его возвышалась, и спановилась пламеннѣе; чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше, увлекапельнѣе изображалъ онъ все видѣнное и слышанное; наконецъ, когда хотѣлъ упомянуть, какимъ образомъ Графиня, подобно существу Небесному, взглянула на него и произнесла послѣднее рѣшеніе, — онъ, вопреки всѣмъ своимъ усиліямъ, не могъ удержаться отъ слезъ, копорыя градомъ полились изъ глазъ его. — Всѣ присутствующіе попунили взоры; тогда Серикуръ подошелъ къ Маршалу, взялъ его за руку и произнесъ пвердымъ голосомъ: „и вы, милоспивый государь, осудите на смерть вашего пѣннаго? мой великій полководецъ не осквернитъ такимъ преступленіемъ славы своей; онъ не захочетъ, чпобы потомство сожалѣло, чпо онъ только былъ раненъ рукою Обиньи! — Никто доселѣ не примѣчалъ Розаліи, копорая съ самага прихода Адьюпанша находилась въ палаткѣ, и въ это мгновеніе бросилась въ объятія своего родителя, и воскликнула: „пощада несчастному!“ —

Ужасная перемѣна измѣнила всѣ черпты Ла Шапровы, и между тѣмъ выпупилъ одинъ изъ старшихъ и почтеннѣйшихъ предводителей: „такъ, пощада храброму юношѣ, пощада ему и свобода!

но я и, если не ошибаюсь, большая часть сего собранія — мы пребуемъ еще болѣе, пребуемъ соединенія съ нимъ и съ правымъ дѣломъ его: кпо моего мнѣнія, да выспунитъ подобно мнѣ и объявитъ волю свою!“

Слова сїи родили общее смяшеніе, и на челѣ Маршала снова нависло облако сокрушительнаго, страшнаго гнѣва, какъ вдругъ все было прервано неожиданнымъ шумомъ; вспунаетъ офицеръ, высланный на канунѣ для собранія свѣдѣній о непріятеляхъ. Онъ весь покрытъ пылью, опъ успалоспи на силу дышетъ. „Я видѣлъ войско Генриха,“ говоритъ онъ: „у него двадцать тысячъ веперановъ; онъ приближается, какъ будпо на крыльяхъ вѣтра, и рапники его идупъ весело не какъ на брань, а какъ на пиршество: я уморилъ прехъ лошадей и едва избѣжалъ пораженія или смерти!“

Вѣспъ сїя перемѣнила все. Маршалъ подошелъ къ спарику, кошорый первый осмѣлился говоритъ о соединеніи съ приверженцами Короля, и, послѣ коропкаго, роковаго молчанія, сказалъ ему: „я вашего мнѣнія, Генераль; дѣло, кошорое имѣетъ шакихъ защитниковъ, не можетъ быть дѣло неправое: я надѣюсь, что всѣ

со мною согласны. — И пакъ, да здравствуемъ Генрихъ IV! Самъ Богъ, счастье и вѣрность его приверженныхъ утверждаютъ его на престолю Франціи; изъяснимъ ему немедленно свое усердіе! пусть Графъ Обиньи полетитъ ему на встрѣчу и извѣститъ его величество, что ждуть его здѣсь вѣрные подданные: я самъ иду освободить юнаго Героя.“ Въ самомъ дѣлѣ Ла Шапръ поспѣшилъ къ своему плѣннику, который съ твердостью ожидалъ кончины. Кто опишетъ его изумленіе, когда Маршалъ вошелъ въ его ставку, обнялъ его, самъ съ него снялъ оковы, и извѣститъ о всемъ случившемся. Съ восторгомъ вскочилъ онъ на коня, помчался вихремъ и въ полчаса достигъ передоваго войска Генриха. Графъ остановился и заидѣлъ вблизи всѣ силы Королевскія: они остановились, чтобы въ палаціи полдень взять отдыхъ; ихъ оружіе играло въ лучахъ солнечныхъ. Обиньи вскорѣ замѣтилъ кружокъ предводителей, которые въ красивыхъ нарядахъ, въ шляпахъ, на которыхъ пышно развѣвались перья, разхаживали, разговаривали и вездѣ были встрѣчаемы громкими восклицаніями: среди ихъ шелъ прекрасный изъ себя юноша, отличавшійся благородною, величественною

осанкою, и бѣлымъ какъ снѣгъ, сулпаномъ.

Графа увидѣли: онъ подалъ знакъ, что желаетъ говорить съ военачальниками. Его повели къ Королю, пому самому молодому человѣку, который съ перваго взгляда обратилъ на себя его любопытные взоры. Генрихъ, исполненный живой радости, закричалъ ему „здравствуйте, любезный, храбрый Обиньи, здравствуйте,“ воскликнулъ въ упоеніи: „Государь! прежде, чѣмъ я видѣлъ васъ, я считалъ счастьемъ, я гордился умереть за васъ и ваше дѣло!“ Король прижалъ къ груди своей и Крильонъ, храбрѣйшій изъ вишазей клялся, что подвиги Графини и Графа Обиньи, приспыжають всѣхъ ихъ.

Король спросилъ юношу, что привело его къ нему такъ неожиданно. Графъ разсказалъ все случившееся. Генрихъ возвелъ глаза на небо и сказалъ: „благодарю Господа за сію новую его милость! Онъ освобождаетъ меня отъ ужасной необходимости проливать кровь дѣтей моихъ!“ Попомъ обратился онъ къ своимъ воинамъ: „Пойдемте на встрѣчу къ друзьямъ нашимъ, прежнимъ и новымъ!“ — Все войско поднялось, и Король вскочилъ на лошадь и вмѣстѣ съ Графомъ пуспился впередъ.

Они разговаривали о происшествіяхъ ми-
нувшихъ дней, попомъ о любви, и Король
вскорѣ открылъ шайну сердца молодого
Обиньи.

Маршалъ между шѣмъ послалъ Сѣри-
кура къ Графинѣ, чпобъ извѣспить его
объ освобожденіи сына и о томъ, съ ка-
кимъ посланъ онъ препорученіемъ къ Ко-
ролю. Между шѣмъ какъ героиня все при-
готовляла къ принятію Государя, Мар-
шалъ успѣлъ убѣдить своихъ воиновъ при-
сягнуть Генриху: толпа, которая рѣдко
знаешь, что дѣлаешь, столь же громко
благословляла Короля, сколь громко она за
день предъ шѣмъ проклинала его. Маршалъ
приказалъ воинамъ выпянувшись въ два ря-
да и при приближеніи Государя положить
оружіе, спастъ на колѣна и ожидать при-
говора; самъ онъ, обезоруженный и съ об-
наженной головою, споялъ впереди ихъ:
Розалія должна была въ черной, печальной
одеждѣ отправиться въ сопровожденіи нѣс-
колькихъ женъ и дѣвушекъ на всрѣчу
Королевскому войску.

Генрихъ тотчасъ соскочилъ съ лошади,
когда примѣпилъ ихъ приближеніе, и онѣ-
вѣчалъ на ея ходапайство самою учпи-
вою ласкою; потомъ подаль ей руку и по-
велъ къ войску ея родителея, который,

какъ увидѣлъ Короля, хотѣлъ броситься ему въ ноги. Генрихъ его принялъ въ свои объятія: „Маршалъ,“ сказалъ онъ, „я все забываю, кромѣ вашего раскаянія. И вы, дѣти мои!“ продолжалъ онъ, обращаясь къ воинамъ и проспирая къ нимъ свои руки: „встаньте! скорѣе встаньте! отецъ не можетъ видѣть предъ собою сыновъ своихъ въ такомъ положеніи; поднимите ваше оружіе: безъ него воинъ не воинъ! Такъ, теперь я опять узнаю васъ; и теперь впередъ къ нашему вѣрному, доброму городу!“

Король шелъ возлѣ Маршала; руку прекрасной Розаліи онъ успунилъ Обиньи, примолвя съ милою улыбкою: „заспуните мое мѣсто, молодой человекъ; но поспарайте доставить мнѣ честь и заслужите благоволеніе вашей дамы!“

Графиня Клеменшина съ слезами восторга видѣла со стѣны приближеніе двухъ дружеспвенныхъ воинспвѣ; она велѣла разпворить ворота и сама вынесла ключи города. Король выпсупилъ изъ рядовъ ей на вспрѣчу, обнялъ и поцѣловалъ въ лобъ, и сказалъ съ чувспвомъ признапельности и удивленія: „я не знаю, Графиня, никакой награды, доспойной васъ; но будьте съ этого дня самодержавною владѣпельни-

цею города, который защитили вы съ такою храбростію, и да возвѣститъ сей знакъ опличія безсмертную героиню Обиньи всѣмъ, которые когда—нибудь увидяшъ васъ!“ И съ сими словами снялъ онъ съ себя крестъ и украсилъ Клементину. „Что касается до васъ,“ продолжалъ онъ: „любезный юноша! — я съ нынѣшняго дня хочу бытъ опцемъ вашимъ? и вопъ вамъ попчасъ же доказательство, что я буду опцемъ добрымъ и снисходительнымъ къ вашимъ слабостямъ: Маршалъ, опкажетели вы сыну моему въ рукѣ вашей дочери?“

Не нужно кажется прибавлять, что Ла Шапръ не опказалъ Королю въ его просьбѣ.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

6.) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ первой пьсни Поэмы

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА.

(Русланъ ѳдетъ опыскивать свою молодую супругу, похищенную волшебникомъ Черноморомъ, находипъ спараго пуспынника, копорый открываетъ ему будущее и приглашаетъ оспашься ночевать въ своей пещерѣ.)

Русланъ на мягкой мохъ ложипся
 Предъ умирающимъ огнѣмъ ;
 Онъ ищепъ позабышься снѣмъ,
 Вздыхаетъ, медленно верпипся ;
 Напрасно! выпязъ наконецъ :
 „Не спипся чпо-то, мой опецъ,
 Чпо дѣлатъ? боленъ я душою : —
 И сонъ не въ сонъ, какъ пошно жипъ !
 Позволь мнѣ сердце освѣжипъ
 Твоей бесѣдою свяпою !
 Прости мнѣ дерзостный вопросъ !
 Опкройся, кпо ты благодатный,
 Судьбы наперникъ непоняпный ?
 Въ пуспыню — кпо себя занесъ?“ —
 Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
 Сшарикъ въ опвѣпъ : „любезный сынъ,
 Ужь я забылъ опчизны дальной
 Угрюмый край ! природный Финъ,
 Въ долинахъ намъ однимъ извѣстныхъ

Гоняя спадо сель окрестныхъ ,
 Въ безпечной юности я зналъ
 Однѣ дремучія дубравы,
 Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
 Да дикой бѣдности забавы.
 Но живѣ въ опрадной пишинѣ
 Дано не долго было мнѣ ;
 Тогда близъ нашего селенья,
 Какъ милый цвѣтъ уединенья ,
 Жила Наина. Межъ подругъ
 Она гремяла красоюю;
 Однажды — упренней порою
 Свои спада на темный лугъ
 Я гналъ, волынку надувая.
 Одна, красавица млада
 На берегу плела вѣнокъ.
 Меня влекла моя судьбина. — . . .
 Ахъ, вишь! по была Наина!
 Я къ ней — и пламень роковой
 За дерзкой взоръ мнѣ былъ наградой ,
 И я любовь узналъ душой
 Съ ея небесною опрадой,
 Съ ея мучительной поскою
 Умчалась года половина;
 Я съ трепетомъ открылся ей ,
 Сказалъ: „люблю тебѣ, Наина!“
 Но робкой горести моею
 Наина съ гордостью внимала,
 Лишь прелести свои любя ;

И равнодушно опивчала:
 „Паспухъ, я не люблю шебя!“ —
 И все мнѣ дико, мрачно спало:
 Родная куща, пѣнь дубровъ,
 Веселы игры паспуховъ,
 Ничто поски не утѣшало,
 Въ уныньи сердце сохло, вяло; —
 И наконецъ задумалъ я
 Оставить Финскія поля,
 Морей невѣрныя пучины
 Съ дружиной брапской переплыть,
 И бранной славой заслужишь
 Вниманье гордое Наины.
 Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
 Искать опасносней и злапа.
 Впервые прихйй край опцовъ
 Услышалъ бранный звукъ булапа
 И шумъ немирныхъ челноковъ.
 Я вдаль уплылъ, надежды полный,
 Съ полпой безспрашныхъ земляковъ;
 Мы десяпъ лѣпъ снѣга и волны
 Багрили кровію враговъ;
 Молва неслась — Цари чужбины
 Спрашились дерзости моей!
 Ихъ горделивыя дружины
 Бѣжали сѣверныхъ мечей:
 Мы весело, мы грозно бились,
 Дѣлили дани и дары,
 И съ побѣжденными садились

За дружелюбные пиры! —
 И сердце, полное Наиной,
 Подъ шумомъ бипвы и пировъ
 Томилось пайною кручинѣй,
 Искало Финскихъ береговъ.
 „Пора домой!“ — сказала я: „други,
 Повѣсимъ праздня нольчуги
 Подъ сѣнюю хижину родной
 Сказалъ — и весла зашумѣли,
 И спрахъ оспавя за собой,
 Въ заливъ опчизны дорогой
 Мы съ гордой радостью влешѣли. —
 Сбылись давнишнїя мечпы,
 Сбылися пылкїя желанья!
 Минута сладкаго свиданья,
 И для меня блеснула пы! —
 Къ ногамъ красавицы надменной
 Принесъ я мечъ окровавленный,
 Кораллы, злапо и жемчугъ.
 Предъ нею спраспыю упоенный,
 Безмолвнымъ роємъ окруженный
 Ея зависпливыхъ подругъ,
 Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ —
 Но дѣва скрылась опъ меня,
 Примолвя съ видомъ равнодушнымъ:
 „Герой! я не люблю тебя!“ —
 Русланъ, не знаешь пы мученья
 Любви опверженный на вѣкъ;
 Увы, пы не сносилъ презрѣнья —

И что же, спранный человекъ!
 И пыжь поскою сердце губишь!
 Счаспливецъ, пы любимъ, какъ любишь!
 Къ чему рассказывать, мой сынъ,
 Чего пересказалъ нѣтъ силы? —
 Ахъ! — и теперь одинъ, одинъ,
 Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
 Я помню горестъ — и порой,
 Какъ о минувшемъ мысль родилъся, —
 По бородѣ моей сѣдой
 Слеза тяжелая капишь! —
 Но слушай: въ родинѣ моей
 Между пуспынныхъ рыбаей
 Наука дивная таилъся;
 Подъ кровомъ вѣчной пишины,
 Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
 Живушь сѣдые колдуны,
 Къ ученю мудроспи высокой
 Всѣ мысли ихъ успремлены;
 Все внемлетъ голосъ ихъ ужасный
 Что было и не будетъ вновь,
 И грозной волѣ ихъ подвластны
 И гробъ и самая любовь! —
 И я любви искашель жадной
 Рѣшилъ въ грусти безошрадной
 Наину чарами привлечь,
 И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
 Любовь волшебствами зажечь.
 Спѣшилъ въ объятія свободы,

И памъ въ ученый колдуновъ
 Провелъ невидимые годы.
 Наспалъ давно желанный мигъ —
 И тайну страшную Природы
 Я свѣтлой мыслию поспигъ —
 „Узналъ я силу заклинаньямъ!
 — Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
 Теперь, Наина, ты моя!
 Побѣда наша!“ — думалъ я
 Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
 Былъ рокъ, упорный мой гонитель!
 Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
 Въ воспоргѣ пылаго желанья,
 Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ и — виноватъ —
 Безумный, дерзоспный грабитель,
 Достойный Черномора братъ, —
 Я спалъ Наины похититель:
 Лишь загадалъ — во тьмѣ лѣсной
 Спрѣла промчалась громовая;
 Волшебный вихоръ поднялъ вой;
 Земля вздрогнула подъ ногой —
 И вдругъ? — сидишь передо-мною
 Старушка дряхлая, сѣдая,
 Глазами впалыми сверкая,
 Съ горбомъ, съ прясучей головой,
 Печальной вѣхоспи картина —
 Ахъ, вишьязь! — то была Наина!
 Я ужаснулся — и молчалъ;

Глазами спрашный призракъ мѣрилъ,
 Въ сомнѣннн все еще не вѣрилъ,
 И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
 „Возможно-ль? ахъ! Наина, пы ли?
 Наина! гдѣ твоя краса?
 Скажи: ужели Небеса
 Тебя такъ спрашно измѣнили?
 Скажи: давноль, оспавя свѣпъ,
 Разспался я съ душой и съ милой?
 Давно-ли?“ „Ровно сорокъ лѣпъ!
 Былъ дѣвы роковой опвѣпъ.
 Сегодня семьдесяпъ мнѣ било.
 „Чпо дѣлапъ?“ мнѣ пищипъ она;
 Толпою годы пролетѣли,
 Прошла моя, швоя весна —
 Мы оба постарѣпъ успѣли.
 Но что-же? право не бѣда
 Невѣрной младоспи упрѣпа!
 Конечно: я шеперь сѣда,
 Немножко, можешъ быпъ, горбата,
 Не то, чпо въ спарину была; —
 Не такъ мила, не такъ мила,
 „За то,“ прибавила болпунья
 (Опкрою шайну,) я колдунья!“
 И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
 Нѣмый, недвижный передъ нею,
 Я совершенный былъ дуракъ;
 Со всей премудроспью моею. —
 Но вопъ забавно: — колдовспво
 Вполнѣ свершилось по несчастью;

Мое сѣдое божество
 Ко мнѣ пылало сильной страстью.
 Могильнымъ голосомъ уродъ,
 Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
 Бормочетъ мнѣ любви признанье:
 Вообрази мое спаданье!
 Я шепеталъ, пошупя взоръ;
 Она же съ кашлемъ продолжала
 Тяжелый, страшный разговоръ:
 „Такъ сердце я теперь узнала,
 Я вижу, вѣрный другъ! оно
 Для нѣжной страсти рождено.
 Проснулись чувства! я стараю!
 Томлюсь желаньями любви. . .
 Приди въ объятія мои!
 О милый, милый! — умираю.“ — . . .
 И между тѣмъ она, Русланъ,
 Косилась помными глазами;
 И между тѣмъ — за мой кафтанъ
 Держалась пощими руками;
 И между тѣмъ, — я обмиралъ,
 Опъ ужаса зажмуря очи —
 И вдругъ пертѣшь не спало мочи,
 Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ! —
 Она во слѣдъ: „о недоспойный!
 Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
 Невинной дѣвы ясны дни!
 Добился ты любви Наины —
 И презираешь! вопль мужчины:

Измѣной дышущъ всѣ они!
 Увы, сама себя вини!
 Онъ обольспилъ меня, несчастной!
 Я опдалась любви спраспной —
 Измѣнникъ! извергъ! о позоръ! —
 Но препенци, двичій воръ!“ —
 Такъ мы распались съ эпихъ поръ.
 Живу въ моемъ уединеньи
 Съ разочарованной душой
 И въ мѣрѣ спарцу утѣшенье
 Природа, мудросп и покой!“

Александръ Пушкинъ.

КЪ МОЕМУ ПИТОМЦУ.

Юноша съ свѣжей душой выступаетъ на
 поприще жизни;
 Полный пылающихъ думъ, дерзоспный
 въ гордыхъ мечпахъ,
 Съ мѣромъ бороспся гошовъ, и сразисп и
 судьбу и печали!
 Но безмолвныя, ждущъ скука и время
 его,
 Сушашп сердце, хладящъ его умъ и ви-
 жущъ паренье;
 Гаснешп любовь! и одна дружба опп
 самой зари

До полуночи сопутница избранныхъ Неба
 любимцевъ ,
 Чиспыхъ, высокихъ умовъ, пламенно-
 любящихъ душъ !

8 Марта
 1820.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

СПОКОЙСТВИЕ МОЕЙ ХЛОИ.

Слышишь, Хлоя, другъ мой милый ,
 Вѣтеръ въ рощѣ зашумѣлъ;
 Вѣсъ и зябликъ легкокрылый
 Прочь съ поляны полетѣлъ ;
 Вѣсъ и молнія сверкнула ,
 Громъ раздался въ небесахъ ; —
 Но ты, Хлоя, вдругъ заснула
 У меня здѣсь на рукахъ !

* * *

Можешь быть въ сей часъ ужасный
 Плутикъ по морю плывешь ;
 Можешь быть, судьбой несчастный
 Смерть къ себѣ на помощь ждешь :
 Ужь не дѣйствуешь кормило ;
 Ищи спасенья въ парусахъ ; —
 Но ты спишь, о другъ мой милой ,
 Здѣсь спокойно на рукахъ !..

* * *

Вотъ и мрачный боръ сосновой
 Загорѣлся отъ огня,
 И отъ зарева багрова
 Ночью свѣтъ, какъ среди дня;
 Вотъ и дождикъ съ крупнымъ градомъ
 Въ наши окна спалъ стучашъ; —
 Ты не внемлешь симъ преградамъ,
 Продолжая крѣпко спать.

* * *

Спи спокойно, другъ безцѣнной!
 Грома, молніи не знай;
 Но въ залогъ любви священной
 Поцѣлуй мнѣ только дай! —
 Поцѣлуй — и ты проснулась;
 Полонъ радости твоей взглядъ;
 Лишь уснамъ моимъ коснулась:
 Все ушло — буря, градъ!

Ал. Дуровъ.

Э Л Е Г И И.

I.

Заснули роши надъ попокомъ;
 Легла на холмы пишина;
 Дремало все — но шщечно сна
 Я ждалъ на ложѣ одинокомъ.

Сыны души моей больной,
 Сыны полуночнаго бдѣнья —
 Вокругъ, мѣшаясь съ темнощой,
 Мелькали смутныя видѣнья.
 „И такъ исчезли“ думалъ я,
 Весеннихъ лѣтъ мечпы злая,
 Часы приспѣли роковые
 И вянеть молодость моя!
 Невольникъ испины угрюмой,
 Опъ нѣги съ праздною душой,
 Живыхъ воспорговъ легкой рой
 Мнѣ замѣнился хладной думой
 И мертвою сердца пишиной!“ —
 Тогда съ улыбкою коварной
 Предспаль внезапно Купидонъ:
 „Объ чемъ вздыхаешь,“ молвилъ онъ,
 Объ чемъ грустишь, неблагодарной?
 Оставь печальныя мечпы!
 Я вѣчно юнъ и я съ побоею!
 Еще младенецъ сердцемъ ты;
 Не вѣришь мнѣ? — взгляни на Хлою!“
Евгеній Баратынскій.

Фридрихсгамъ
 15 Марта 1820.

2.

(Изъ Марота.)

Въ пустыню дикую, сокроюсь я, несчастный,
 Ждать опъ шебя любви и ласки —
 шрудъ напрасный.

Ужель душъ швоей пакъ скоро чуждымъ
 спалъ ,
 Другъ оплученной, другъ далекой,
 На Финскихъ берегахъ между пустынныхъ
 скалъ
 Бродящій съ грустью одинокой?

* * *

Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минув-
 шихъ дней
 Лишь мнѣ чувствительна упраса
 Ужель не ищешь ты въ кругу своихъ
 друзей
 Судьбой оппорженного брата ?

* * *

Ты помнишь ли тѣ дни, когда рука съ
 рукой,
 пылая жаждой сладостраспя
 Мы жизни ввѣрили и общю пропой
 Помчались за мечшою счаспя ?

* * *

„Что въ славѣ! что въ молвѣ! на время
 жизнь дана!“
 За полной чашей мы швердили
 И весело въ спруяхъ блестящаго вина
 Забвенье сладостное пили,

* * *

И вопшь сгусшилась ночь и все въ глубо-
комъ снѣ,
Лишь дышепть влажная прохлада
Лишь слабо пеплился въ шуманной вышинѣ
Діаны блѣдная лампада.

* * *

Съ улыбкой будипть насъ малюпка Ку-
пидонъ. —
Пуспь дремлетъ пруженикъ ус-
палой!
„Проснипесь юноши! для васъ ли,“ шеп-
чепть онъ,
„Покой безчувспвенной и вялой?“

* * *

Смоприте видипель, покинувъ ложе сна,
Передъ окномъ полу-одѣпа,
Съ поскою спраспною не васъ ли ждепть
она,
Не васъ ли ждепть моя Лилепа?

* * *

Она! — о нѣга чувспвъ! о сладкія мечшы!
Счаспливъ, кпо легкою рукою
Весной умѣль срывапть весенніе цвѣшы
И въ мѣрѣ жилъ съ самимъ собою,

* * *

Кто пренебрегъ судомъ завистливыхъ и
злыхъ

И, равнодушїемъ богатый,
За Царство не опдастъ покоя сладкїй мигъ,
Иль наслажденья мигъ крылашый!

* * *

Давно румяный Фебъ прогналъ ночную тѣнь;
Давно проснулись заботы, —
А баловней Харипъ покоитъ лѣнь
На ложѣ нѣги и дремоты.

* * *

И мило спать еще! любовїю горятъ
Младья свѣжїя ланины
И мнился поцѣлуй сквозь тонкой сонъ
манящъ

Ея уста полу-открыты

* * *

И гдѣ же домъ ушѣхъ? гдѣ чашъ веселой
сплукъ?

Забытъ друзьями другъ заочной
Исчезли радости какъ въ вихрѣ слабой звукъ,
Какъ блескъ зарницы полуночной!

* * *

И я пѣвецъ утѣхъ теперь уприму ихъ
Пою въ поскѣ уединенной,
И воды чуждыя шумящъ у ногъ моихъ
И брегъ не видимъ опдаленный.

Е. Баратынскій.

З И М А,

Бродящъ взоры мои по нѣмой, унылой
 пусшынѣ; —
 Смерть въ увядшей душѣ, все мертво
 въ безмолвной природѣ.
 На вѣковой соснѣ завыванію бури
 внимаешь
 Пасмурный врань! —

* * *

Сердце заныло во мнѣ; я средь думъ угрю-
 мыхъ забылся: —
 „Спихъ на гробахъ челоѡкъ и грезы
 шяжелыя видихъ!“
 Я прошепхаль: и только скорбь иногда
 прилепахъ
 Душу будихъ!“ —

* * *

„Шумная радость мерхва; быпіе въ
 единой печали,
 Въ горькой любви и въ плачѣ живомъ
 и въ раздавленномъ сердцѣ!“—
 Я задрожаль: — качающъ сѣдыми
 вершинами ели,
 Вѣсперъ свиспихъ! —

* * *

Всюду и холодъ и блескъ. — Обнаженны
 древа и покрыпы
 Лдяной корой. — Иду — и хрусшипъ
 у меня подъ ногою
 Свѣплый, безжизненный снѣгъ :
 Бѣжитъ по сугробамъ пропинка
 Въ бѣлую даль! —

1817.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

СОЛОВЕЙ и МОТЫЛЕКЪ.

(Басня.)

Сравнился ль кто со мною
 Въ полетѣ легкостью, иль крыльевъ пе-
 спрошою?

Съ цвѣточка на цвѣпокъ
 Порхая, говорилъ надменный мотылекъ. —

Къ чему такъ занялъ ты собою?
 Правдивый соловей ему на по въ отвѣтъ,
 Давноль ты червемъ былъ? давно ли пре-
 смыкался?

Давноль? еще вчера; а нынче ужъ зазнался
 И мнишь что равнаго тебѣ на свѣтѣ нѣтъ.

О сколько есть сему подобныхъ гордецовъ
 Между писцовъ!

М. Я — вб.

III. Н Р А В Ы.

Отрывокъ изъ Виландовой статьи,
подъ названіемъ Платоническія
РАЗМЫШЛЕНІЯ О ЧЕЛОВѢКѢ.

Человѣческій родъ — не смотря на существующее въ немъ различіе въ наружномъ видѣ, образѣ жизни, одеждѣ, правленіи, Религіи и обычаяхъ, — можно раздѣлить на нѣсколько классовъ, которые имѣютъ между собою очень пѣсныя соотношенія, и вмѣстѣ составляютъ не худо расположенную систему. Здѣсь я предлагаю хотя короткое, но довольно ясное описаніе каждаго изъ сихъ классовъ.

Первый классъ самый низкій и очень близокъ къ царству безсловесныхъ животныхъ. Къ оному я причисляю пѣхъ людей, которыхъ самая лучшая часть не только оспается въ своей природной грубости, — но мало по малу до того бываетъ искажена, что наконецъ пропадаетъ и самая естественная красота пѣла; — которыхъ нѣжныя способности частію остаются неразвитыми, частію же бываютъ испорчены въ самомъ обработываніи; словомъ, которые никогда не созрѣваютъ настоящими людьми. Невѣжество ихъ со временемъ

спановишся глупостью, чувствѣнные же побужденія, вмѣстѣ съ ними возрастающія и не подчиняемыя никакой законной власти, раждають множество предразсудковъ, копорые заимѣвають главную силу чело-вѣка—разумъ, различающій добро отъ зла. Предразсудки у нихъ мало по малу превра-щающся въ господствующія склонности, из-мѣняемыя только качествомъ темперамента и внѣшнихъ обстоятельствъ. И такъ сии люди — чувствѣнные творенія, необуздан-ныя въ спрасяхъ, слабодушныя, близору-кїя, своиравныя, и припомъ легковѣр-ныя, слѣдовательно легко подверженныя обману. У нихъ воображеніе заслупаетъ мѣсто разсудка, а наружный видъ бываетъ всегда главною причиною, по копорой воля ихъ дѣлаетъ свои рѣшенія. По большей части они осуждены заблупиться только о своемъ тѣлѣ, а попому и мысли ихъ не про-спираются далѣе той полосы земли, копорая доставляетъ имъ пропитаніе. Нравы и вкусъ ихъ безобразны, удовольствія ма-лочисленны и чрезвычайно грубы; напротивъ невѣжество, суевѣріе, спрахъ, мало-душїе чрезмѣрно увеличивають число ихъ золъ. Не удивительно, что сей родъ лю-дей,—будучи лишены совершенствъ, соспа-вляющихъ истиннаго челоуѣка, — не знаетъ

счастливей жизни; впрочемъ пайный инстинктъ всегда говоритъ имъ, что они не звѣри, какими почитаютъ ихъ другіе, часто принадлежащіе къ ихъ же классу.

Легко видѣть можно, что натура сихъ людей не только дѣлаетъ ихъ способными — но даже поставляетъ имъ обязанностию — находиться подъ управленіемъ. Склонность къ новому и чудесному, лѣность, боязливость и другія страсти очень много способствуютъ къ удержанію ихъ въ такомъ порядкѣ, сколько нужно, чтобы свѣтъ не сдѣлался хаосомъ. Не надобно забывать, что и между сею *тернью* находящаяся также степени; но когда изслѣдуемъ ихъ въ точности, увидимъ наконецъ, что различіе между ними едвали превышаетъ то, какое находится между придворною кокешкою въ пышномъ нарядѣ и кокешкою въ легкомъ спянутомъ платьѣ, или между дуракомъ въ смуромъ кафтанѣ и дуракомъ въ Марокскихъ звѣздахъ.

Во второй классъ я помѣщаю людей, которымъ счастье гораздо болѣе благопріятствуетъ, и которые цѣль своей жизни полагаютъ въ удовольствіяхъ и препровожденіи времени. Они составляютъ почти значительную часть двухъ міровъ, обыкновенно называемыхъ *большимъ* и

прекраснымъ свѣтомъ. Сїи люди, кажется, почишаютъ землю за обширное маскерадное мѣсто, гдѣ каждому позволено быть, чѣмъ онъ хочетъ, чшобы только доспичь великаго намѣренія — *убивать время*. Они короче знакомятся со свѣтомъ, нежели первый классъ. Они гоняюшя за удовольствїями; всѣ прочїя спрасши ихъ, такъ скажутъ, пещуютъ любимую склонность къ забавамъ. Оспроумїе — сїя опасная обезьяна разума — есть ихъ идолъ. Оно научаетъ ядовитому, но сладостному искусству обманывать самаго себя. Оно поспавляетъ будущность и всякую важную истину въ опдаленїи и шѣни, напротивъ низкїя дѣпскїя забавы показываетъ въ исполинскомъ видѣ. Оно разгорячаетъ воображенїе и являетъ ему однѣ только очаровательныя спорны. Оно изобрѣпаетъ законы, совсѣмъ отличные отъ вѣчныхъ уложенїй божественной воли; или перемѣняетъ, распроспраняетъ и послѣ оставляетъ ихъ. Человѣкъ спановится ушонченнымъ, спасполобивымъ живошнымъ, котораго успѣхи разнообразнѣе и искусстввеннѣе, нежели успѣхи прочихъ безсловесныхъ. Душа ихъ, кажется, пещетъ въ ихъ крови; пока сїя волнуется, они существуютъ. Имъ такъ хорошо жить въ здѣшнемъ мїрѣ, что некогда и

подумать о другомъ лучшемъ, или по крайней мѣрѣ для нихъ надобенъ Магомешовъ рай.

Сей классъ конечно опличается отъ перваго. Болѣе упонченная способность къ нѣжнымъ ощущеніямъ, болѣе живоспи духа, болѣе вкуса, остропы и приличія составляютъ сію разность. Сколько у нихъ общаго — я не хочу шеперь изслѣдывать. Симъ-по людямъ обязаны мы пріятнымъ злоупотребленіемъ изящныхъ Искусствъ, (отъ чего настоящее употребленіе оныхъ совсѣмъ почпи исчезло изъ вида), изобрѣшеніемъ безчисленныхъ орудій роскоши, модъ и всякихъ игръ. Они украшаютъ одну часть земли на счетъ другихъ частей. Люди перваго класса — рабы удовольствія своихъ собратій вшораго разряда. Они должны прудиться и бытъ изобрѣтательными, чшобъ не только доставлять симъ послѣднимъ все нужное и удобное для жизни, но и безпреспанно снабжать ихъ новыми игрушками. Такимъ образомъ сіи два класса людей взаимно содержатъ себя въ дѣятельности.

Третій классъ занимаютъ *созерцательные* умы, составляющіе значительную часть человѣческаго рода. Необозримая цѣпь ихъ начинается отъ грамошья,

копорый вычисляеть, сколько разъ одна и шаже буква попадаеися въ Гомерѣ, и кончипся Факиромъ, копорый опъ глубокомысленныхъ размышленій о *нистожествѣ*, какъ началъ всѣхъ вещей, наконецъ самъ превращаеися въ ничто. Сїи люди, по видимому, полько зрители въ эпомъ свѣпѣ; они разсмаприваютъ его, какъ будпо не имѣютъ болѣе никакихъ съ нимъ связей; и къ несчастію большая часпъ изъ нихъ расшочаетъ все свое вниманіе на то, чего благоразумный человекъ едва удоспощаеетъ одного взгляда.

Сей классъ раздѣляеися, подобно прочимъ, на многіе особенные роды. Одни, копорымъ земля кажеися слишкомъ малою, (ибо она естъ полько пылинка въ сравненіи со вселенною) совершенно посвяпили себя небу, хопя не примѣчаютъ на немъ ничего, кромѣ безпорядковъ и опспупленій опъ ихъ правилъ, почему и спараются всѣми силами разрѣшить такія для нихъ загадки. Иной подумаетъ, что они заимствуютъ опъ сферъ пошь чистѣйшей огонь, копорый возбуждаеетъ и питаеетъ въ сердцахъ благочестіе и направляетъ умы къ вѣчноспи, что они пріучаютъ себя мыслишь гораздо выше и непорочнѣе, нежели другіе смерпные; что они

живѣ чувспвуютъ высокое предопредѣленіе чловѣка. Совсѣмъ напропивъ, — Они вычисляють только, въ какихъ линіяхъ планеты обращаются вокругъ солнца, или какъ далеко отстоитъ отъ земли созвѣздіе пса. — Другіе не споль высоко парящіе умы смиренно довольствуются собираніемъ лѣтнихъ пташекъ и всякаго рода насѣкомыхъ; они знаютъ ихъ наперечепъ и называютъ по имени. Иные ползають подъ кучами древнихъ развалинъ, пускаются въ языки, которыми никто не говоритъ, и объясняютъ таинственныя начертанія на споль Изиды. Нѣкоторые мучатъ себя, чпобъ весь объемъ нравспвенной науки вывестъ изъ одного начала; иные доказываютъ безсмертіе души изъ разума; иные спроятъ новыя системы, чпобъ доспавивъ другимъ трудъ опять опровергнувъ ихъ. Нѣкоторые до того углубляются, чпо наконецъ начинаютъ во всемъ сомнѣваться; иные длиною цѣпью умозаключеній доказываютъ, чпо тогда полдень, когда солнечные лучи прямо падаютъ на шея. Многіе прапятъ свою жизнь на то, чпобъ прочишыватъ мысли, изобрѣшенія, бредни и истины всѣхъ другихъ Писателей, не думая о томъ, чпо имъ начашъ съ такимъ сокровищемъ. —

Большая часть сихъ чудаковъ трудится надъ бездѣлками; немногіе же, занимающіеся важнѣйшими дѣлами, по несчастію почитаютъ истину за одинъ предметъ размышленія, за вещь, на которую, какъ на древо познанія, только смотрѣть пріятно. Они уподобляются обвороченнымъ драконамъ въ старинныхъ романахъ, которые стерегутъ въ подземныхъ пещерахъ великія сокровища, но не знаютъ ихъ настоящей цѣны и употребленія.

Четвертый классъ (какъ я опасуюсь) гораздо малочисленнѣе прежнихъ; и мы пошчасъ опгадаемъ, что онъ лучше всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ есть прямое украшеніе земли, и если что нибудь на ней достойно возрѣнія Ангеловъ — это жизнь сихъ любви достойныхъ людей, которыми Природа даровала счастливую склонность къ *гармоническому* характеру, тонкое чувствованіе изящнаго и благороднаго побужденія къ добру. У нихъ нѣтъ чрезвычайныхъ способностей, но довольно разсудка, чтобъ различать истину отъ призрака и проникать сквозь ослѣпительный блескъ воображенія, спраспей и обыкновеній. Добродѣтель, кажется, имѣетъ отличное право на ихъ сердце. Они презираютъ низкія самолюбивыя души. Удо-

вольствіе ихъ состоиптъ въ дѣланіи добра. Хотя они во время молодыхъ лѣтъ и подвержены бывають господствующей склонности къ упѣхамъ, но сія склонность охраняется равносильнымъ, благороднымъ честлюбіемъ, пакъ чпо обѣ сіи спраспи доводятъ ихъ мало по малу до чистѣйшихъ испочниковъ добродѣтели. Они могутъ заблуждаться, могутъ неоспорожными порывами быть увлечены въ противную спорону. Но душа ихъ не способна ни къ злобѣ, ни къ коварству, ни къ подлости; открытый умъ, добрапа характера, строгое безпристрастіе къ самимъ себѣ не допускають ихъ далеко заблудиться, скоро возвращають ихъ на прежній путь и ведутъ ихъ далѣе и далѣе. Сіи только люди способны къ дружбѣ и настоящей любви. Для нихъ Природа прекрасна, для нихъ множество невинныхъ и упонченныхъ радостей въ связяхъ общеспва. Они благоразумно наслаждаються свѣпомъ, но не привязаны къ нему. — Если справедливо, чпо живые примѣры и карпины добродѣтели гораздо болѣе приносятъ пользы, чѣмъ моральныя и мешафизическія диссертаціи, то сіе небольшое число дѣятельныхъ существъ обоого пола гораздо болѣе доставляетъ выгодъ людямъ,

нежели весь необозримый свѣтъ ученыхъ созерцателей.

Пятыи классъ составляютъ тѣ стран-
ные и рѣдкіе умы, копорые, гораздо пре-
вышая прочихъ смертныхъ, получили на-
званіе *геніевъ*, что означаетъ существовъ
вышняго порядка. Число ихъ ипакъ велико,
сколько угодно Богу для соблюденія нрав-
ственнаго порядка или для наказанія лю-
дей. Ибо еслѣ благодѣтельные и злые
геніи. Всѣ они имѣють общее то, что
обладають необыкновенными способностями,
и — можно сказать — имѣють нѣчто
колоссальное въ образѣ ихъ духа. Съ са-
мыхъ юныхъ лѣтъ они опличаются пла-
менною страстью къ познаніямъ, прилѣ-
жаніемъ, копорому преняпствію придають
еще болѣе мужества, свободою души, ко-
порая споль ненавидитъ иго, что иногда
пересупааетъ за нужные предѣлы, какимъ-
то вдохновеннымъ воображеніемъ, копорое
опкрываетъ имъ тысячи новыхъ идей, —
и героическимъ духомъ, копорый дѣлаетъ
ихъ способными къ великимъ дѣламъ. По-
средствомъ развитія и образованія сихъ
чрезвычайныхъ способностей науками, раз-
мышленіемъ, познаніемъ свѣта и опытно-
стію, они достигаютъ наконецъ ипой про-
ницательной оспромы ума и мужествен-

ной силы характера, копорыя споль възвышають ихъ надъ обыкновенными людъми. Дѣятельность ихъ необходимо должна обращаться въ обширномъ кругу. Они предопредѣлены бытъ законодателями, наставниками, путеводаителями теловѣтескаго рода; должны все обозрѣвать, обо всемъ заботиться; помышлять о средствахъ, какъ бы уменьшить нужды людей и распространять ихъ благо. Конечно имъ предстоятъ сильныя препятствія къ исполненію такихъ намѣреній; но за то они одарены споль великою силою, споль дальновидною проницательностію, споль живымъ влеченіемъ къ великому и досто­славному, споль пламеннымъ энтузіазмомъ, что могутъ побѣдить все, и на самомъ дѣлѣ оказать людямъ сполько добра, сколько желаютъ имъ другіе слабѣйшіе, хотя и добрые умы.

Геніи, пребывшіе вѣрными своему пред­назначенію, подобны Ангеламъ-хранителямъ, копорые, по набожному мнѣнію Древнихъ, надзирають за свѣтомъ, управляють сфе­рами и выполняютъ повелѣнія Творца по сю сторону неба. Они имѣють все, чего недостаетъ прочимъ людямъ, чтобы сдѣлать себя счастливыми; они рождены управлять, другіе — повиноваться. Они разгоняють

вракъ невѣжества, сражаются съ предразсудками и практическими заблужденіями, въ тысячу разъ опаснѣйшими, нежели тѣ чудовища, за испребленіемъ коихъ *Геркулесъ* заслужилъ мѣсто между Греческими полубогами. Они приносятъ свѣтъ, истину и порядокъ въ жизнь человѣческую. Они направляютъ священнымъ законамъ Природы, (изъ которыхъ происходятъ всѣ прочіе законы), или охраняютъ ихъ. Они обуздываютъ и укрощаютъ дикость и жестокость людей, исправляютъ, образуютъ и упончаютъ ихъ нравы; научаютъ ихъ благоприспособности, благородству, изяществу, — и нѣкоторымъ образомъ оправдываютъ тѣ баснословныя преданія, которыми волшебной Орфеевой лиры приписывали силу укрощать лютыхъ звѣрей.

Какого сожалѣнія достойно, что такія способности могутъ быть употреблены во зло! что такіе гении могутъ иппи пропивъ цѣли ихъ назначенія, и ниспадать съ высоты своей; что они могутъ терять изъ вида истинную славу — быть благотворителями людей, и, обманутые ложнымъ блескомъ мнимой божественности, обманутые химерою, пустымъ звономъ, — часто дѣлаются *разорителями свѣта*. Когда представляю себѣ Македон-

скаго Героя, спремящагося къ лаврамъ, мнѣ кажепся, какъ будпо вижу челоѵѵка съ ангельскими способностями, исправляющаго дѵбла насѵкомаго. Низкїя, пагубныя желанїя должны ли водворяшься въ душахъ небесныхъ? Обладать самимъ собою — вопъ высочайшая степень величїя. Кто не можетъ достпчь сего, тотъ не въ состоянїи управляшь людьми.

Какое бѵдствїе для смерпныхъ, если герои ложно мыслятъ! *Генїй*, которїй обращается на злую сторону, которїй покоряетъ и разрушаетъ Царства, или соблазняетъ и развращаетъ людей, становится чудовищемъ, пѵбмъ ужаснѵйшимъ, чѵмъ выше и любви достойнѵе могъ быть, когда бы послѵдовалъ завѵпамъ Высочайшаго Существа, когда бы спарался уподобпться Ему благопворенїями. Падшїй Ангель въ тысячу разъ отвращпшельнѵе самаго злѵйшаго челоѵѵка.

Любовь къ слаѵѵ существуетъ только въ душахъ великихъ, и до того возрастаетъ, что всѵ другїя склонности должны уступпть ей мѵспо. Что въ людяхъ, принадлежащихъ къ разряду черни, называется исканїемъ славы и честолюбїемъ, есть ничто иное, какъ переодѵтое своекорыстїе; они желаютъ знати и почестей

для того только, чтобы съ большею удобностію предаваться низкимъ влеченіямъ. — Спроси сушь въспры, приводящіе насъ въ движеніе; а попому великимъ людямъ нужно имѣть благородное честполюбіе: оно поощряешъ ихъ къ достиженію предназначенной имъ цѣли и преодоленію всѣхъ препятствій. Но мы видимъ изъ Исторіи, какія бѣдствія причиняешъ эша спрасть, если разсудокъ не умѣряешъ ее и не даешъ ей истиннаго направленія. Геніи никогда еще не занимались бездѣлками. Труды ихъ и даже самыя забавы всегда занимащельны для насъ. Впрочемъ есть люди, которые велики въ мелочахъ; но они принадлежатъ *въ третій классъ.*

Мы обозрѣли родъ человѣческой въ различныхъ пяти классахъ; самая поспешность оныхъ доспойна замѣчанія. Мы нашли незрѣлыхъ, необразованныхъ людей, которые составляютъ самую большую часть жителей земнаго шара; такихъ людей, которые усовершенствуютъ однѣ чувственныя способности; такихъ, которые желаютъ только бытъ умственными существами; малое число людей, которыхъ нравственныя качества дѣлаютъ любви доспойными, и наконецъ вполне разви-

пыхъ , сколько возможно совершенныхъ ,
величественныхъ существъ. Если мы воз-
мемъ самое лучшее изъ всѣхъ классовъ ,
и сложимъ вмѣстѣ , то получимъ настоя-
щее понятіе о природѣ человѣка.

* * *

IV. КРИТИКА.

Взглядъ на текущую Словесность.

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ нашихъ Читателей о выходѣ въ свѣтъ первой части Сочиненій Г-жи Буниной. Стихотворенія ея заслуживаютъ во многихъ отношеніяхъ вниманіе публики: Г-жа Бунина — поэтъ, явленіе рѣдкое въ нашемъ опечеснвѣ, и сверхъ того, поэтъ съ дарованіемъ, поэтъ неподражатель. Подробный разборъ лучшихъ ея стихотвореній принесъ бы Словесности по нашему мнѣнію истинную, существенную пользу: жалѣемъ, что предѣлы нашего изданія не позволяютъ долго останавливаться на одномъ предметѣ.

Первая часть Сочиненій Г-жи Буниной содержитъ стихотворенія лирическаго. Болѣе прочихъ подѣйствовали на насъ слѣдующія: Майская прогулка болящей, Упрекъ другу, Весна, Юному Поллуксу, На Разлукку, Отрѣченіе.

Противуположность, которою уже Жуковскій такъ счастливо воспользовался въ своемъ Громобѣ, противуположность цвѣтущей, прелесной Природы и разтерзаннаго сердца человѣческаго употреб-

лена съ большимъ искусствомъ. Въ Прогулкѣ Г-жи Буниной: спихи по мрачные и ужасные, по прогашельные, живописные и задумчивые перемѣняющся въ семь прелестномъ произведеніи; спѣсняющъ душу, исполняющъ ее жалоспи и содроганія, и пропиву воли извлекающъ слезы. Чшо же касается до слога, онъ не естъ слогъ новѣйшей Поэзіи, очищенной прудами Дмипріева, Жуковскаго, Батюшкова: Г-жа Бунина шла своимъ путемъ и образовала свой паланпъ, не пользуясь пвореніями другихъ паланповъ.

.

Ахъ въ душѣ моей гнѣздится;

Этна *ссохшу* грудь палипъ; (изсохшая, а не
 ссохшая грудь)

Жадный змій, віясь вокругъ сердца,

Кровь *кипугую* сосепъ.

Тщешно слабыми перстами

Рву чудовище... нѣпъ силъ!

Ядъ его пропекъ по жиламъ:

Боже мира! запрети!

Гдѣ цѣленье изнемогшей ?
 Гдѣ опрада ? — гдѣ покой ?
 Нѣшѣ! не льспи себя мечшою :
 Токѣ цѣленія изсякѣ.
 Капли нѣшѣ одной прохладной ,
 Тоци оросишь уста ! (тоциѣ уста не лѣзя
сказашь)

Вѣ огонь дыханье преврашилось ;
 Вѣ *острѣ* спрѣлу каждый вздохѣ ;
 Всѣ глубоки вскрылись язвы , —
 Боль ихѣ умѣ во мнѣ мрачишѣ.
 Гдѣ шы смерть ? — Изнемогаю
 Домѣ, какѣ *тартарѣ*, спалѣ посылѣ !

Мнѣль шы солнце улыбнулось ?
 Мнѣль сулишь опраду , Май ?
 Травка! для меня ль шы спелешь
 Благовонный свой коверѣ ?
 Можешѣ бышѣ, мнѣ шамѣ и лучше
 Побѣжимѣ подѣ сѣнь древесѣ.

.

Но вѣ груди огонь не гаснешѣ ,
 Сердце потѣ же змѣй сосешѣ ;
 Тотѣ же ядѣ печешѣ по жиламѣ :
 Адѣ мой шамѣ, — гдѣ я ступлю :

Нѣтъ врача омыть мнѣ раны :
 Нѣтъ руки стереть слезы ;
 Нѣтъ цѣлебъ для утѣшенья ,
Персей нѣтъ , — *приникнуть гдѣ* ;
 Всѣ спраняся , — убѣгающъ :
 Я одна О горе мнѣ !

Не смотря на нѣкоторыя неравноспи , —
 какая сильная, живая поэзія ! здѣсь не меч-
 чапельное несчастіе унылаго юноши ,
 который въ существенномъ мірѣ не на-
 шель того , что можеть дышать въ од-
 номъ мірѣ фанпазіи , здѣсь говоритъ не-
 счастіе испинное голосомъ боли , голосомъ
 опчаянія . — Далѣ къ спрадалицѣ подхо-
 дить нищій старецъ ,

Вѣтрѣ власы его взвѣваетъ ,
 Бѣлые, какъ первый снѣгъ !
 По его ланипамъ впалымъ ,
 Изъ померкнувшихъ очей ,
 Чрезъ глубокія морщины
 Токи слезные текутъ ;

Онъ получаетъ отъ ней подаяніе и вое-
 клицаешъ :

„Боже щедрый ! благодатный !“

.

Низпошли ей свою благосшь ,

Всѣ мольбы ея внемли!“ —
 Сшарецъ! ты жулы *изрыгнулъ!*
 Трещи! ударивъ громъ!...

.

Богъ отвергъ меня несчастну!
Око совратилъ съ меня, (отвратилъ отъ меня)
 Не щедроты, и не благоспъ, —
 Тяготѣетъ зло на мнѣ.

(Щедроты и благоспъ не могутъ тяготѣть)

Тщепно вѣете Зефиры!
 Тщепно соловей поешь!
 Тщепно съ Запада злапаго,
 Солнце, мещешь кропкѣй лучъ,
 И Пешрополь позлащая,
 Всю природу веселишь!
 Чужды для меня веселья!
 Не дѣлю я съ вами ихъ!
 Солнце *не ко мнѣ* сіяетъ (не для меня)
 Я не дочь природы сей.

Свѣжій вѣтръ съ Невы вдругъ дунуль:
 Побѣжимъ! онъ прохладивъ.
 Дай мнѣ челнъ угрюмый кормчѣй!
 Къ вѣтрамъ въ ликъ свой пущь направь.
 Воды! хлыньте дружно съ моря!
 Вздуйшесь синіе бугры!
 Зыбь на зыби *налегая*;

Захлещи отважный челнъ!
 Прохлади мнѣ грудь изсохшу,
 Жгущій огонь ея залей.

Туча! упади громами!

Хлябь! разверзись, — поглоти....

Но все тихо, — все спокойно, —
 Вѣтрѣ на вѣшвіяхъ уснулъ;
 Море гладко, какъ зеркало;
 Чуть рябящъ въ Невѣ струи;
 Нѣтъ на небѣ тучъ свирѣпыхъ;
 Облакъ легкихъ даже нѣтъ,
 И по синей, чистой шверди
 Мѣсяцъ съ важностью шестѣ. —

Если бы всѣ стихотворенія Анны Петровны Буниной въ достоинствѣ равнялись съ приведеннымъ здѣсь, она безъ сомнѣнія занимала бы одно изъ первыхъ мѣстъ между Русскими, истинными Поэтами, хотя и въ Прогулкѣ много необдуманнаго, шероховатаго, а изрѣдка не нужная съ перваго взгляда повторенія; впрочемъ сѣи повторенія имѣли, можетъ быть, цѣлю живѣе представить состояніе больной, которая безпрестанно воспоминаетъ свое ужасное состояніе, и естественнымъ образомъ говоритъ о немъ въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ, и въ такомъ случаѣ стихи:

Ядѣ его прошекѣ по жиламѣ

.

Капли нѣшѣ одной прохладной

Тоши оросить уста

Вѣ огонь дыханье превратилось

Попомѣ:

Свѣжій вѣспрѣ съ Невы вдругѣ дунулѣ:

Побѣжимѣ! онѣ прохладитѣ.

И:

Захлесни опважный челнѣ!

Прохлади мнѣ грудь изсохшу,

Жгущій огонь ея залей

И, можетъ бытъ, еще нѣкоторыя другіе, выражающіе одну и ту же мысль, или опѣтки одной и той же мысли, не только не лишны, но даже необходимы. Конецъ всего спихотворенія заставляетъ задуматься; онѣ какъ будто удаляется отъ главнаго предмета и живописуешь ясную, никогда неспраждущую вселенную, въ которой сполько спрададьцевѣ и споль мало утѣшителей. —

Спихотвореніе: *Упрекѣ Другу* изображаетъ рѣзко и съ чувствомъ всю горестъ, которую должно ощупить доброе сердце, при неожиданномѣ предапельствѣ

друзей мнимыхъ, но шѣмъ не менѣ ему
драгоцѣнныхъ. — Сравненіе съ плавапелемъ,
наспигнурымъ бурей у самой приспани,
когда онъ

Глядишь къ безоблачной лазури,
Предвидя спранспвію конецъ, —

превосходно, но не вездѣ равно хорошо
выражено. Вотъ нѣсколько стиховъ для
примѣра. Пловецъ говоритъ:

„Давноль довѣрчивые взоры
Вперялъ я въ свѣшлы небеса,
И ихъ безоблачна краса
Сулила радости *миѣ скоры!*
Увы! не грома ждалъ,
Когда ихъ созерцалъ!“

Пловецъ, днесъ жалобамъ не время!
Таковъ несчастныхъ всѣхъ удѣлъ!
Двойное шлетъ имъ Промыслъ бремя,
И *двое* изоощряетъ спрѣлъ:
У недруговъ едины въ волѣ (во власти)
Другія, къ сокращенію дней,
Лешяшъ къ намъ отъ друзей,
И сердце поражаютъ боль!

Живое, но болѣе мрачное воображеніе сос-
павляетъ опличипельное достоинспво хо-
рошихъ стихотвореній Г-жи Буниной. Въ
одномъ изъ нихъ мы находимъ послѣ бо-

гапаго описанія Весны, послѣ стиха пре-
восходнаго по простотѣ и чувству:

О, сколь обиленъ міръ красою!

ужасное изображеніе злодѣя, который не
можетъ и не достоинъ восхищаться пре-
лесными Природы;

Чей мрачный видъ, — чьи грозны очи
Въ душѣ сокрытой кажутъ адъ?
Какъ шагъ шапся подъ скалами!
Власы его свились съ кустами;
Чело покрылъ смертельный хладъ

* * *

То узникъ воли самонравной,
Что самый рокъ осилить мнилъ;
Но въ бой вступаю съ нимъ неравной,
Сильнѣйшей волѣ уступилъ.
Не споль бросаемо челнъ волнами,
Какъ онъ боримъ спрасями!
Отъ ярости въ немъ гласъ дрожитъ;
Какъ уголь раженный блещутъ взоры;
Какъ вихри мчатся мысли скоры,
И каждая *другъ друга* шмитъ.

.
.
.

Онъ чуждъ всего, не зреть, — не внемлетъ;
Лишь рокъ *продерзостно* клянеть.

Скорбь мысли, умъ его объемлетъ ;
 Грудь скрытый пламень жжешъ.
 Какъ Эшна лаву извергаешъ.

„Почто, — почто,“ онъ говоритъ, —
 „Сей спройной чинъ Природы
 „Текущи не глошаюшъ годы!
 „Почто сей *льгый* мѣръ спойшъ!

* * *

Почто не упадутъ свѣтила!
 Увы! лучь солнца не погасъ,
 И вѣчна ночь земли не скрыла!“ —

Героида къ *Юнолу Поллуксу* — опличаешся опъ всѣхъ прочихъ произведеній Г-жи Буниной обрабопанностію и почностію слога, но впрочемъ въ ней не менѣе силы и живоспи нежели въ спихопвореніяхъ, о коихъ мы говорили. Сими красопами тѣмъ больше наслаждаемся, что онъ являюшся въ полномъ свѣтѣ, ибо не помрачены ошибками слога и погрѣшностями прошивъ языка. Мы приведемъ здѣсь изъ ней шолько двѣ спрофы; мѣспо не позволяеть намъ размошрѣшь всѣ достоинства сего прекраснаго произведенія.

Полуксъ! я не зову тебя!
 Ужасенъ видъ моей пемницы:
 Сюда и даже лучь денницы
 Не проникалъ согрѣшь меня,

— Опъ хлада спынешъ кровь! не вѣрь! мой
умъ блуждаешъ;

Увы! здѣсь пламя прошекаешъ,

* * *

Гдѣ я? чья видится мнѣ тѣнь?

Прелестна, съ русыми волосами,

Одѣша легкими парами,

Свѣпла, какъ Майскій день,

— Съ улыбкой нѣжною мнѣ руку простираешъ;

Какъ Ангелъ, съ крошесью вѣщаешъ:

* * *

Слѣдують слова небеснаго посѣпителя.—
Превосходный вымыселъ! несчастную при-
ходишь упѣшать та,

Которая бѣды со мной дѣлила

И ахъ! покой одна вкусила.

Опдавъ должную справедливоспъ Гжѣ Бу-
ниной, намъ оспаеша желашъ, чпобы
при впоромъ изданіи были исправлены,
буде можно, недоспашки, которые здѣсь
были замѣчены,

Прибавленіе. Сказавъ наше мнѣніе во
впоромъ номерѣ Невскаго Зришеля о нѣ-
коморыхъ періодическихъ изданіяхъ, вы-

ходящихъ въ Россіи, считаемъ обязанно-
 стію упомянуть здѣсь о Журналѣ: *Сорев-
 нователь Просвѣщенія и Благотворенія*.
 Сей Вѣстникъ соединяетъ спашьи ученія
 съ спашьими проспо липперашурными, и
 именно эпимъ счастливымъ сліяніемъ равно
 занимателенъ для чипапелей совершенно
 разныхъ вкусовъ, совершенно разнаго об-
 разованія. Что касается до насъ, мы
 съ большимъ любопытствомъ чипали опи-
 саніе чепырехъ первыхъ божествъ Индіи
 изъ Опыта полного Мифологическаго Сло-
 варя Барона Корфа, сочиненія не вышед-
 шаго еще въ свѣтъ; восхищались преле-
 стною Гораціанскою Одою къ Лилепѣ;
 чувствовали истинное удовольствіе при хо-
 рошей Элегіи Г-на Плешнева: *Нераздѣля-
 емое наслажденіе*, и, хопя пропивники
 Шаррадъ, загадокъ и шому подобнаго, ра-
 довались прекрасной Шаррадѣ господина
 О. Г.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

V. С М Ъ С Ь.

О ЗАВѢЩАНІИ ПЕТРА ПИТУ.

Назадъ тому нѣсколько дней попалось мнѣ въ руки завѣщаніе Петра *Питу*; оно исполнено любовію къ добродѣтели, и содержитъ превосходныя правила поведенія для всѣхъ временъ, и я думаю, что переводъ его на Россійской языкъ не можетъ быть бесполезенъ. . .

Питу родился въ городѣ Троя, въ Шампани, отъ благородной и древней Нормандской фамиліи. Сначала онъ служилъ при Дворѣ. Король Генрикъ III посылалъ его своимъ Генералъ-Прокуроромъ Юстиціи въ Гиенну. Генрикъ IV такъ же употребилъ его въ 1594 году, для возстановленія Парламента въ Парижѣ. *Питу* обогатилъ область Словесности многими книгами, касательно Богословіи, Исторіи и Изящной Литтературы; трудолюбивая и полезная жизнь его окончилась скоро; онъ умеръ 57 лѣтъ, 1 Ноября 1596 года.

Переводъ завѣщанія Петра Питу.

Родясь въ испорченной вѣкѣ и среди совершенно потерянныхъ нравовъ, я сохранилъ сколько могъ совѣсть и справедливость.

Я любилъ и прилагалъ большое стараніе образовать моихъ друзей, былъ очень чувствителенъ одержать побѣду надъ моими врагами благопвореніями, или равнодушно смотрѣлъ на нихъ, не желая имъ мести.

Супруга моя была для меня другой я; дѣтей моихъ я воспитывалъ съ снисходительностію; съ слугами поступалъ, какъ съ людьми.

Я ненавидѣлъ порокъ и въ моихъ ближнихъ, но боготворилъ добродѣтель въ чужестранцахъ, и даже въ своихъ врагахъ.

Я старался болѣе сохранить, нежели умножить мое имущество.

Я ничего не дѣлалъ и не могъ терпѣть, чтобы дѣлать то другимъ, чего не желаешь себѣ.

Всякая несправедливая милость, или полученная съ великимъ трудомъ, казалась мнѣ дорого купленною.

Я смотрѣлъ на пьянство и скупость, какъ на ужасныхъ чудовищъ, гнѣздящихся во всѣхъ людяхъ, но особливо господствующихъ въ духовныхъ и Судьяхъ.

Юношу, молодого и совершеннаго человѣка я всегда отличалъ отъ спарика.

Я люблю мое опечество.

Чины, почести, власъ, не были для меня столько привлекательны, какъ желаніе быть всегда занятымъ. Я хотѣлъ больше дѣйствовать, нежели повелѣвать.

Будучи гражданиномъ, я употребилъ всѣ усилія принести пользу обществу, я предпочиталъ ее всему, и былъ увѣренъ; что она болѣе всего меня привязывала къ жизни.

Самое пріятное для меня было желаніе, чтобы Государство удержалось въ настоящемъ его положеніи; мнѣ никогда не нравились новости, переменны и переворошы.

Миръ, даже и несправедливый всегда приноситъ болѣе выгодъ, нежели несогласіе и междоусобія *).

Съ горестію я смотрѣлъ на религію и благочестіе, подъ покровомъ которыхъ часто скрывались скупость, гордость и преступленія.

Удивляясь Древности, я изучалъ ее съ великимъ стараніемъ; и поспавляю оную выше новопросвѣщенія.

Я убѣгалъ всѣхъ суетныхъ вопросовъ и споровъ о религіи, почитая ихъ весьма вредными.

Я узналъ чрезъ самый опытъ, что проща, соупснвуемая справедливостію, гораздо вѣрнѣе и счастливѣе достигаетъ своей цѣли, нежели искусство и лицемѣріе.

Я меньше учился наукъ хорошо говорить, чѣмъ знаніямъ, которыя руководствуютъ здраво судить.

Будучи удаленъ отъ толпы честолюбцевъ, среди многочисленныхъ друзей своихъ честныхъ и сильныхъ, при умѣренной фортунѣ, я принималъ участіе и въ безпокойствѣ мнѣ неизвѣстныхъ лицъ, а дѣла Государства и друзей моихъ занимали меня болѣе, нежели собственныя.

Самыми пріятными днями моей жизни я почиталъ тѣ, въ которыхъ служилъ обществу и своимъ друзьямъ.

*) *Питцу* жилъ во время внутреннихъ безпокойствъ, бывшихъ при Карлѣ IX, Генрикѣ III и Генрикѣ IV.

Настоящее зло всегда казалось мнѣ меньшимъ и сноснымъ, нежели то, которое могъ предвидѣть. Я выдерживалъ послѣднія крайности съ большею твердостью, чѣмъ состояніе колеблющееся и сомнительное.

Я испыталъ, что надлежитъ быть твердымъ, постояннымъ, чиспосердечнымъ и при отправленіи правосудія для всѣхъ равнымъ, дабы избѣжать крипики злыхъ и обуздать сужденія дерзкихъ.

Какъ опредѣляютъ законы, такъ располагаешь и моя воля имуществомъ, которое останется послѣ моей смерти.

Я желаю только и надѣюсь, что моя добродѣтельная супруга, которая для меня споль была драгоценна, не перестанетъ къ дѣтямъ нашимъ питать тѣже чувствованія, тоже доброе расположеніе и прилагать тѣже попеченія, которыя она оказывала и во время моей жизни.

Таковы мои чувствованія, таково признаніе моей совѣсти.

Сдѣлано въ Парижѣ Пешромъ *Питцу* 1587 года 1 Ноября.

А Н Е К Д О Т Ы.

I.

Чудный Концертъ.

Въ 1777 году Раймонди объявилъ, что будетъ даваться Концертъ: *Приключеніе Гелемака*. Дѣйствующія лица составляли одни инструменшы. — Они слѣдовали въ якомъ порядкѣ:

Телемакъ — *первая скрипка.*

Меншоръ — *виолончель.*

Калипса — *флейта.*

Эвхариса, Нимфа Калипсы — *гобой.*

Прочія Нимфы изображались такъ же на разныхъ духовыхъ инструментахъ. — Концертъ начался Симфоніей, которая изображала бурю. — Тутъ слышенъ былъ дуэтъ скрипки съ виолончелью, — Телемакъ и Меншоръ изъвляли симъ радость своего избавленія, — Калипса (флейта) пѣніемъ манила прекраснаго юношу въ гротъ свой. — Тогда Нимфы начали дивертиссементъ, который прерванъ былъ Нимфою Эвхарисою (гобоемъ). Онъ игралъ соло: — чрезъ что выражались чувства любви къ Телемаку. — Наконецъ спрашная Фуга изобразила сожженіе Телемакова корабля.

II.

Стихотворецъ Попе и живописецъ Кнеллеръ были оба весьма малаго росту. — Однажды пришелъ ихъ посѣшить одинъ Капитанъ корабля, который торговалъ Гвіанскими невольниками. — Кнеллеръ, чтобъ показать свою остроуму, и вмѣстѣ сдѣлать комплиментъ самому себѣ, сказалъ Капитану: — „вы имѣете честь видѣть предъ собою двухъ великихъ людей, которыхъ никакими сокровищами купить нельзя.“ Смѣло могу увѣрить васъ, М. Г., что у меня есть невольникъ, которой вдвое больше васъ и сильнѣе, а стоитъ только 10 гиней.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Великобританія.

О Готической залѣ, находящейся въ Карльстонѣ
Гузскомѣ дворцѣ въ Лондонѣ.

Зала сія сперва назначена была для хранения драгоценностей. Она находится въ нижнемъ этажѣ замка, и въ ней-то имѣли обѣденный столъ Монархи иностранныхъ Державъ, посѣтившіе Лондонъ въ 1814 году. — Она отдѣлана въ Готическомъ вкусѣ, съ приличнымъ къ оному великолѣпіемъ, и состоитъ изъ главной залы и двухъ къ оной прилежащихъ. Потолокъ и стѣны украшены группами скульпъ и луковъ. Окны сдѣланы изъ цвѣтныхъ стеколъ, на которыхъ изображены гербы Королей Англійскихъ въ хронологическомъ порядкѣ, отъ Вильгельма Завоевателя до Георга III, Курфирстовъ Ганноверскихъ и всѣхъ Принцевъ Валлисскихъ. Въ восточномъ концѣ залы сдѣлана рѣшетка съ нишею, чрезъ которую видна прелестная перспектива. — По стѣнамъ у каждой группы скульпъ придѣланы богатые канделябры въ Готическомъ вкусѣ, съ приличными къ онымъ девизами. — Во внутреннихъ сводахъ повѣшены шестипугольные Готическіе фонари изъ цвѣтныхъ стеколъ. — Полъ залы украшенъ Порландскимъ чернымъ и бѣлымъ мраморомъ. — Потолокъ въ ней не много; ею украшены только канделябры и рамы фонарей. — Дѣйствіе нацѣлое производитъ особенно блѣдный цвѣтъ оконъ, которыя дѣлаютъ магическое отраже-

ніе на своды залы, украшенные также стеклами; и чувствуешь всегда какой-то таинственный ужасъ, когда вечернія тѣни начнутъ покрывать внушенность оной, все тихо, и безмолвіе прерывается только иногда протяжнымъ звукомъ шаговъ любопытныхъ посѣщителей.

О Дворцѣ Маріи Стюартъ.

Дворецъ Маріи Стюартъ существуетъ и донынѣ въ Эдимбургѣ. Онъ называется Holgrood House, лежитъ на Востокѣ отъ города и имѣетъ видъ четверугольнаго замка. Въ немъ обитали также Маркизъ Дугласъ и Лордъ Дунморъ. Большая зала въ ономъ дворцѣ, украшенная портретами Королей, служитъ теперь для собранія во время избиранія Перовъ. — Покои, въ которыхъ жила несчастная Королева, сохраняются какъ святыня. — Богатыя занавѣсы и теперь еще украшаютъ ея гостиную залу, хотя они довольно въшхи; но креслы Королевы, клавикорды и туалетъ сохранились еще въ цѣлости. — Подлѣ спальни находится маленькій кабинетъ, гдѣ Королева съ Графиней д'Аржили и Рицціо ужинали, и въ которой Лордъ Дарнлей, начальствуя заговорщиками, ворвался, и откуда несчастнаго любимца ея впалилъ въ спальню гдѣ онъ былъ умерщвленъ ими — Тамъ на полу и теперь показываютъ кровавыя пятна, кои сохраняются тщательно Англичанами, также видна и потаенная дверь у лѣспницы, чрезъ которую убійцы прокрались во внутренніе покои ея дворца;—въ одномъ изъ нихъ находятся портреты Королевы, Лорда Дарнлея, также и его перчатка. — (Independ.)

Въ Лондонѣ съ 1806 года учредилось Общество для ободренія художествъ; оно называется: The British Institution. Члены сего собранія приняли себѣ за правило помогать общественнымъ художникамъ — при выставкѣ ихъ работъ, въ выгодной оныхъ продажѣ.

По письмамъ съ острова Св: Елены извѣстны намъ нѣкоторыя подробности о жизни и занятіяхъ Буонапарта. — Лонгвудъ и весь островъ Св: Елены очень подробно описаны, недавно вышли гравированные рисунки и планы внутреннихъ покоевъ, которые занимаетъ заключенный. — Тутъ видно канapé, гдѣ онъ обыкновенно сидитъ; каминъ, на которомъ стоитъ мраморный бюстъ сына Наполеона; на стѣнѣ также висятъ пять его изображеній, два портрета Императрицы, и изъ сихъ портретовъ бывшего Римскаго Короля одинъ вышивала сама Марія Луиза; маленькой столъ, на которомъ Буонапартъ завтракаетъ, желѣзная походная постель на которой онъ спитъ; другая, гдѣ ложится когда мучимъ бессонницею; въ кабинетѣ его стоитъ канторка, гдѣ онъ обыкновенно прудится. Столовая зала, въ которой Буонапартъ всегда обѣдаетъ съ Гургодомъ (Gourgaud), съ Гмъ и Гжею Моншолонъ (Бертранъ и жена его посѣщаютъ Наполеона только по Воскресеньямъ); столъ его продолжается не болѣе 15 или 18 минутъ. До обѣда онъ играетъ въ шахматы; послѣ стола обыкновенно спрашиваетъ своихъ посѣщителей: съ чего начинать, съ комедіи, или трагедіи? — и тогда одинъ изъ присудившихъ начинаетъ громко читать сцены изъ

Корнеля, или Расина, или Мольера. Въ 11 часовъ вечера ложился онъ спать — и называетъ это побѣдою времени (Дай Богъ, чтобы до смерти своей наслаждался онъ этими невинными побѣдами)

Жамесъ Генрикъ Гуншъ, народный орапоръ Англии, о которомъ споль много писали, родился отъ одного Американскаго выходца Исаака Гунша въ 1784 году, и былъ воспитанъ въ такъ называемой Христіанской больницѣ. Вышедъ изъ сего заведенія онъ посвятилъ себя занятіямъ Прокуратора, и послѣ хотя получилъ довольно значительное мѣсто въ Правительствѣ; но въ послѣдствіи отъ онаго отказался, попому что въ 1809 году началъ занимать ся изданіемъ журнала *L'Examineur*. Прежде сего также издавалъ онъ газету *The News*. Однако послѣдняя Липшерашурная спекуляція причинила ему большое несчастіе; онъ былъ посаженъ въ шюрму за одно оскорбительное выраженіе на счетъ Принца Регенша. — Его почитаютъ авторомъ многихъ сочиненій, въ числѣ коихъ находятся довольно удачныя, писанныя имъ для Англійскаго Театра, и вообще о немъ думаютъ какъ о человѣкѣ съ талантомъ и хорошими способностями. — Въ послѣдствіи онъ занимался одной Политикой и присоединился къ Оппозиціи. Онъ объявилъ себя за радикальнаго преобразователя Парламента, и сдѣлался начальникомъ этой партіи, которая надѣлала столько шуму въ Европѣ. Какъ краснорѣчіе, такъ и наружный видъ его, производятъ сильное впечатлѣніе въ народѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣетъ тысячи приверженцевъ.

Ф р а н ц и я.

Отрывокъ изъ Библиографическаго обзорѣнія новой
Французской Литтературы.

Драматическая Поэзія.

Въ Парижѣ напечатанъ Всеобщій Репертуаръ Французскаго Театра. (*Repertoire général du théâtre Française.*) Сіе собраніе состоитъ изъ трагедій, комедій и драмъ перваго и втораго разряда, — которыя играются на большомъ Французскомъ Театрѣ (*première théâtre Française.*) Нынѣ уважаемый театральній стихотворецъ Н. Лемерсье (*N. Lemercier*) еще въ 1811 году отдалъ на сей Театрѣ трагедію свою Кловисъ (*Clovis*). — По многомъ стараніи его піеса удостоена была вниманія и актеры выучили въ оной роли свои; — но явилось новое препятствіе: сочинителя не легко было удовлетворить за трудъ его, и онъ рѣшился взять трагедію сію назадъ. — Она недавно только напечатана у Бодонина и вышла въ свѣтъ. Публика очень сожалѣетъ, что она только читаетъ сію превосходную, исполненную многихъ красотъ трагедію, не видя ее въ представленіи. — Сочинитель Сициліанскихъ вечереиъ *) Казимиръ Делавинъ (*Casimir Delavigne*) почитается теперь самымъ плодовитымъ и любимымъ

*) Эта піеса въ 12 первыхъ представленій Французскому театру принесла 66,825 франковъ доходу, а 12 представленій трагедіи Людовика IX доставили 27,240 франковъ.

публикою театральнымъ поэтомъ; онъ написалъ новую комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (*Les Comédiens*), которая въ первый разъ играна была 6 Января на второмъ Французскомъ театрѣ (*L'Odéon*) и была принята Французами съ величайшею похвалою. — Хорошо обдуманная планъ піэсы, превосходно выраженные характеры, живой рассказъ, остропа и крипическое положеніе дѣйствующихъ лицъ, удержавъ сію піэсу долгое время на сценѣ. — Она также напечатана въ пипографіи Барбаро. — Таланты къ драматической Поэзіи есть, кажется, природныя въ фамиліи Делавиновъ. — Въ поже самое время братъ Делавиня получилъ всеобщее одобреніе публики за сочиненную имъ комическую Оперу Лунастикъ (*La Somnambule*), которая представлена была на театрѣ Водевильей. — Она также явилась въ печати у Г. Гюэтъ. — Еще упомянемъ мы о новой комедіи *Le Marquis de Rommevas*, которая недавно играна на первомъ Французскомъ театрѣ; она также приобрѣла большой успѣхъ; сочинительница ее есть Г-жа Софья Гай (*Gay*). —

Стихотворецъ Арнольдъ, прибывшій изъ започенія въ свое опечество, написалъ прагедію Гельфы и Жибелины (*Les Guelfes et les Gibellins*). Она принята на второмъ Французскомъ театрѣ; — публика съ неперѣливостію ожидала перваго представленія, — но не всѣ хвалятъ эту піэсу. — На семъ театрѣ въ эту зиму явились еще 4 новыя прагедіи: Марія Стуартъ, подражаніе Шиллеру Г. Лебрёня, Кортецъ Шампина; Генрикъ VIII, оставленная піэса умершимъ стихотворцемъ Шенье. —

Французскій Театръ занимается теперь разученіемъ слѣдующихъ двухъ трагедій: Карлъ Наваррскій (Charles de Navarre) соч. Бриссопа (Brissaut) и Арпаксерксъ, соч. Делавилля.

Недавно Марсельскій стекольщикъ Домье (Daumier) получивши приличное образование ремеслу его, но одаренный природными талантами, написалъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Филиппъ II; онъ прежде сего читалъ великаго Шиллера и воспламенялся его несчастнымъ Донъ-Карлосомъ. Трагедія Домье принята съ похвалою публикою на одномъ изъ Французскихъ театровъ. — Она уже явилась въ печати.

Въ Парижѣ Г. Плана издалъ недавно книгу: *Объ искусствѣ узнавать характеры людей по ихъ физиогноміи.* Между прочимъ замѣчательна въ оной слѣдующая сцѣпка: „Это очень странно, (говоришь сочинитель) что природа во времена Людвига XIV украсила многихъ особъ Двора его Римскими горбашыми носами: отъ Монарха до камердинера его Данго, отъ Гжи Севиньи до Гжи Скарронъ, всѣ придворные, Ученые, художники: Вобанъ, Расинъ, Паскаль, Вилларсъ, — короче сказать всѣ имѣли носы à la Louis XIV.“

И т а л і я.

Художникъ Антоній Боза, ученикъ славнаго Кановы, занимается теперь въ Венеціи памятникомъ умершаго Эстепика Винкельмана, который назначенъ для церкви Св. Августа въ Тріестѣ, гдѣ покоится прахъ сего Ученаго. Памятникъ высѣкается изъ прекрас-

наго Каррарскаго мрамора, и будетъ состоять изъ саркофага поставленнаго на многихъ ступеняхъ; на первой сидитъ Геній, который одною рукою держитъ овалъ, обвитый змѣею съ груднымъ изображеніемъ Винкельмана, а другую подаетъ внизу находящейся тушъ женской фигурѣ, которая кажется раздѣляетъ съ нимъ его горестъ и погружена въ задумчивость; во взорахъ ея видно сожалѣніе о потерѣ сего образователя Искусствъ. Она также одною рукою указываетъ на надпись Саркофага на пьедесталѣ, на которомъ представлены частъ Египетской пирамиды, базы древнихъ колоннъ, капители и карнизы. Тушъ также видно изображеніе Винкельмана; онъ облокотясь на обломокъ Греческаго карниза съ зажженнымъ факеломъ разсматриваетъ группу молодыхъ красавицъ изображающихъ изящныя Искусства; впереди ихъ также сидитъ женская фигура, означающая познаніе древностей; она на маленькой дощечкѣ пишетъ изрѣченія сего великаго Эстетика.

Подъ начальствомъ Директора Г. Норо, производились прошедшаго года въ Августѣ мѣсяцѣ довольно успѣшные поиски въ рѣкѣ Тибрѣ, протекающей въ самомъ Римѣ и въ окрестностяхъ онаго. Между многими найденными вещами замѣчательнѣе прочихъ слѣдующія:

1.) Бронзовая доска, 4 пальма въ высоту и 3 въ ширину, на которой вырѣзаны слова: *Senatus Consultum*, имена Консуловъ: Луція Валерія и Манлія, которые въ 387 году до Р. Х. оба занимали мѣста Консульскія.

2.) Большой крестъ сдѣланный изъ камня неизвѣстной породы. — Натуралисты думаютъ, что это аэролитъ.

3.) Мраморная доска, на которой вырѣзано объявленіе Цесаря Капулла, о запрещеніи читать волшебныя книги.

4.) Сѣнобитное орудіе съ надписями Короля Порсены, которое, вѣроятно, по снятіи осады съ Рима брошено было Геттурцами въ рѣку Тибръ.

5.) Свинцовый хорошо закупоренный ящикъ, въ которомъ нашли часть Сивиллиныхъ книгъ, сохраняемыхъ прежде съ великимъ тщаніемъ въ Яникулумъ.

6.) Металлическія щипцы около 3 Римскихъ палмовъ въ длину, съ такою же цѣпочкой, которою скрѣплялись.

— Канова дѣлаетъ теперь статую Ж. Ж. Руссо, которая назначена для города Женевы.

Германія.

Съ нѣкотораго времени студенты Германскихъ Университетовъ имѣютъ свой собственный костюмъ, взятый изъ среднихъ вѣковъ и показывающій богатство и роскошь. Онъ состоитъ изъ обложеннаго позументомъ полу-кафтанья и широкаго пояса — къ которому привѣшивается древній Германскій мечъ; сапоги украшаются золотыми шпорами, прежде бывшій знакъ благороднаго рыцарства; на головѣ носятъ обыкновенно маленькую шапочку съ тремя черными перьями.

Лейпцигъ, 6 Марта н. с. Г. Фридрихъ Шнейдеръ, Директоръ музыки, доставилъ намъ большое удовольствіе вновь сочиненной Ора-

поріей: *Страшный Судъ*, слова умершаго стихотворца Апеля; оркестръ былъ довольно великъ, въ немъ такъ же участвовали извѣстные здѣсь артисты: Г-жа Нейманъ - Сеси, Гг. Белеръ, Кленгель и Шмидтъ, такъ же большой хоръ изъ членовъ Академіи музыки и другихъ любителей. Прекрасное стихотвореніе Г. Апеля споило, чтобъ одушевилъ его хорошій Компонистъ. Это было трудною задачею для послѣдняго, которой однакожь оную разрѣшилъ.

Императорская придворная библіотека въ Вѣнѣ содержитъ 360,000 томовъ печатныхъ книгъ, 12,000 томовъ рукописей, 6,000 томовъ писанныхъ въ 15 столѣтіи, и 300,000 эстамповъ.

Въ 14 столѣтіи сожгли одного волшебника, кошорой развелъ цвѣты на кровлѣ своего дома; въ 15, двухъ чревоушцапелей; въ 16, одного искусника, кошорый выпораживалъ карманы у проходящихъ, до оныхъ не допротываясь; въ 17, сожгли повара Герцога Лопарингскаго, кошорый изъ простыхъ припасовъ умѣлъ приготовить вкусныя блюда. —

Въ Вѣнѣ явилась новая трагедія въ 5 дѣйствійхъ *Мать Маккавеевъ*, сочиненная Захаромъ Вернеромъ. — Австрійскій Наблюдатель отзывается о сей піесѣ съ великою похвалою.

Ш в е ц і я.

Шведское Правительство выдало 100,000 рейхсталеровъ на вычищеніе сѣверныхъ рѣкъ, протекающихъ въ семъ Королевствѣ, чтобъ облегчить чрезъ это провозъ досокъ и бре-

венъ, которые отправляются изъ лѣсовъ Голланды сѣверной Бопни; многіе инженерные офицеры должны содѣйствовать къ исполненію сего предпріятія.

Въ слѣдствіе новыхъ постановленій о таможенныхъ, всѣ конфискованные повары въ Швеціи, не стануть какъ прежде продаваться съ аукціону, но должны быть непременно вывозимы за границу.

И с п а н і я.

Въ Мадридѣ началось изданіе новой газеты подъ названіемъ: *El Constitucional*.

— Трибуны на всѣхъ колокольняхъ и башняхъ прибили прокламаціи о конституціи, начиная отъ самой Пампелуны до Ируна. — Одинъ каноникъ соборной церкви въ Сеговіи, который содралъ шаковое прибитое къ стѣнѣ храма объявленіе, былъ на самомъ томъ мѣстѣ умерщвленъ народомъ.

VI. НОВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

И с п а н і я.

Перечень письма изъ Лондона, отъ 21 Марша 1820, н. с.

О Испанской Конституціи.

Извѣстіе о Революціи въ Испаніи произвело въ Англичанахъ чрезвычайное впечатлѣніе; вообще надѣются, что Испанія посредствомъ сего переворота придастъ себѣ новый

блескъ , и доставитъ славу и благосостояніе своему народу. Хотя Король долго прѣспивилъся признавъ Конспитуцію Кортесовъ, составленную въ 1812 году , но наконецъ для блага подданныхъ онъ поклялся шеперь принять ее.— Важнѣйшія изъ оной статьи , которыя болѣе другихъ дѣлаютъ перемѣну въ Государственномъ постановленіи, суть слѣдующія :

Статья 2. Испанскій народъ свободенъ и независимъ , и онъ не можетъ быть наслѣдствомъ какой-либо другой фамиліи , кромѣ существующей Династіи.

Всѣ Испанцы безъ различія состояній обязуются соразмѣрно ихъ доходамъ платить подать для нуждъ Государственныхъ. — Въ силу сей статьи избѣяшые до сего времени отъ податей дворяне и духовные должны неспиравныя съ прочими повинности. Чрезъ то введенъ совершенно предложенный Г-мъ Гараемъ прожектъ о финансахъ.

Статья 9. Всякой Испанецъ обязанъ защищать опечество.

Статья 17. Исполненіе законовъ въ дѣлахъ Гражданскихъ и Уголовныхъ должно находиться въ рукахъ учрежденнаго Правительствомъ Трибунала.

Статья 19. Кортесы могутъ давать право гражданства иностранцамъ.

Статья 25. Чтобъ быть гражданиномъ , должно умѣть читать и писать.

Статья 104. Кортесы должны собираться одинъ разъ въ каждомъ году.

Статья 119. Депутація состоящая изъ 20 членовъ должна уведомлять Короля о предстоящемъ собраніи Кортесовъ , и Король при

открытіи засѣданія долженъ явиться въ него безъ пѣлохранишелей или гвардіи; въ противномъ случаѣ одинъ Президентъ можетъ также открыть засѣданіе. Король въ собраніи долженъ говорить рѣчь, объявля свое мнѣніе о пользѣ и улучшеніи предложенныхъ постановленій, или оную рѣчь свою въ рукописи прислать къ Президенту. Кортесы въ присутствіи Короля не должны между собою имѣть преній. — Засѣданія должны быть публичны. Депутаты не отвѣчаютъ за свои мнѣнія; въ уголовныхъ дѣлахъ они судятся Трибуналомъ Кортесовъ, однакожъ не во время засѣданія, но по испеченіи мѣсяца, — когда кончится собраніе Чиновъ.

Король отдаетъ приказы по флоту, Арміи и по всѣмъ частямъ своего управленія, назначаетъ публичные расходы Правительствъ, ежегодные подати, дѣлаетъ займы на счетъ націи, покровительствуетъ свободѣ книгопечатанія и ш. д.

Статья 168. Король можетъ въ силу закона уничтожить декреты и Инструкціи, когда онъ признаетъ это за лучшее; объявляетъ войну, заключаетъ миръ, раздаетъ почетныя мѣста военнымъ, гражданамъ и духовенству; милуетъ преступниковъ, предлагаетъ законы, назначаетъ новыхъ Министровъ и увольняетъ въ отставку, но не можетъ препятствовать собранію Кортесовъ; безъ позволенія ихъ не имѣетъ права выѣзжать за границу Государства, дѣлать союзы, — вспомоществовать другимъ Державамъ, налагать подати раздавать исключительныя привилегіи, присваивать правособственность. — Отъ каждаго

70,000 жителей избирается одинъ депутатъ къ Кортесамъ. Также и Южная Америка должна послать депутата. — Всякой депутатъ долженъ быть не моложе 25 лѣтъ и обладать опредѣленною собственностію. — Засѣданіе Кортесовъ начинается съ 1 Марта и продолжается 3 мѣсяца. Переменная депутатовъ должна происходить въ каждые два года. Они присягаютъ въ вѣрности Конституціи и народу. Наконецъ постановлено, что Король можетъ два года препятствовать введенію какого-либо закона; но не взирая на то въ продолженіи претяго года онъ дѣлается дѣйствительнымъ, когда Кортесы постановили оный. — По окончаніи засѣданія Кортесовъ всякой разъ должна учреждаться наблюдательная Коммиссія, которая замѣчаетъ шаги Правительства до слѣдующаго собранія Кортесовъ.

Новое Министерство въ Испаніи состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Пизарро сдѣланъ Министромъ иностранныхъ дѣлъ, Гарай Финансовъ, Гиронъ военнымъ, Алварецъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ Испаніи, а Порсей для Америки, Аргвеллосъ Юстиціи и Виллавиценціо Морскимъ; а Графы Абисбалъ и Моншьо заступили мѣста Статсъ-Секретарей.

Въ Дипломатическомъ Корпусѣ Испаніи произошли также новыя переменны: Министромъ въ Лондонѣ назначенъ Кавалеръ Перещъ де Кастро, на мѣсто Герцога Санъ-Карлоса Герцогъ Фриасъ Посланникомъ; въ Парижѣ Герцогъ Дель-Паркве на мѣсто Герцога Фонъ Фернанъ-Нуеца; въ Берлинѣ Д. Торрено прежде бывший членъ Кортесовъ, на мѣсто Гнъ Фаллейо; въ Неаполь Д. Луизъ де

Онисъ; въ Петербургъ прежде бывший Посланикомъ въ Дрезденъ, Г-нъ Салмонъ; Герцогъ Санъ-Фердинандо въ Вѣну, а де Композано въ Дрезденъ.

Германія.

Дармштадтъ 28 Марша.

Великое Герцогство Дармштадское получило Конспишущю. Спашьи оной сущь слѣдующія:

1-е, Чины Государства будущъ состоятъ изъ двухъ Палатъ.

2-е, Первую составятъ: 1-е Принцы фамили владѣющаго Дома; 2-е Предводители знатнѣйшаго дворянства; 3-е Католической Епископъ, 4-е Протестантской Прелатъ; 5-е Канцлеръ; 6-е Граждане Государства, которые назначены будущъ Великимъ Герцогомъ на все продолженіе ихъ жизни, и которыхъ число не будетъ превышать десяти членовъ.

3-е, Вторую Палату составятъ: 1-е шесть депушатовъ избранныхъ дворянствомъ, имѣющимъ владѣнія въ Великомъ Герцогствѣ; 2-е десять депушатовъ городовъ, которымъ предоставлено будетъ избрать почтеннѣйшихъ по древности домовъ и по коммерціи гражданъ. Сии города сущь: Дармштадтъ и Майнцъ, кои изберутъ каждый по два депушата; Гессенъ, Офенбахъ, Фридбергъ, Альсфельдъ, Вормсъ и Бингенъ, каждый по одному депушату; 3-е, 34 депушата, кои изберутся городами и селеніями, коимъ не дано на то особеннаго права.

Относительныя условія права избранія и образъ онаго опредѣлены будущъ особенными частными правилами.

4-е, Министры и прочіе чины Государства могутъ входить въ Палаты, но не имѣютъ правъ кромѣ того, чтобъ предлагать что либо именемъ Герцога.

5-е, Члены первой Палаты не могутъ быть ими прежде нежели достигнувъ 25 лѣтъ отъ роду, и ни какимъ образомъ не могутъ передавать своего права гражданамъ Государства.

6-е, Депутаты второй Палаты — граждане, должны имѣть отъ роду 36 лѣтъ и получать доходъ достаточный къ независимому содержанию.

7-е, Ни одинъ членъ ни той ни другой Палаты не можетъ заставить, если онъ судится въ судилищѣ за преступленія, или будетъ взятъ Полиціею и не освобожденъ.

8-е, Члены первой Палаты не могутъ быть ими выбраны въ другую.

9-е, Не возможно ни въ той ни въ другой Палатѣ подавать голосъ подразумеваемо, или получать наставленіе для онаго.

10-е, Всѣ выборы должны быть на шесть лѣтъ; но сей терминъ не препятствуетъ быть выбраннымъ и на другія шесть лѣтъ.

11-е, Одинъ только Великій Герцогъ имѣетъ право созывать Палаты, когда ему заблагоразсудится, понуждать и распускать собраніе. Самопроизвольное соединеніе послѣ распушенія, есть противу-законное опнытіе правъ верховной власти, если даже шаковое собраніе по цѣли своей не заключало преступления.

12-е, Великій Герцогъ общаетъ собирать своихъ вѣрноподданныхъ чиновъ по крайней мѣрѣ каждые три года. Но если пошре-

буется надобность, то и въ продолженіи одного года.

13-е, Сіи чины Государства не должны занимать другими предметами, кромѣ нижеизложенныхъ; отступленіе отъ сего будетъ заключать собраніе — самопроизвольное. Великій Герцогъ не желаетъ приводить въ исполненіе безъ согласія чиновъ Государства новаго закона о Финансахъ, которой будетъ существовать на три года. Этотъ законъ долженъ быть сперва разсмотрѣванъ во второй Палатѣ, и ежели оною будетъ принятъ, то не можетъ быть принятъ или отвергнутъ, какъ въ собраніи первой Палаты. Въ случаѣ различныхъ положеній двухъ Палатъ, они соединяются въ одно собраніе подъ предсѣдательствомъ Президента первой Палаты, и тогда большинствомъ голосовъ окончательно рѣшишь законъ о Финансахъ.

14-е, Герцогъ позволяетъ дѣлать ему представленія отъ вѣрноподданныхъ чиновъ, и ежели они будутъ согласны и удобны къ приведенію въ исполненіе, то обнадѣживаетъ ихъ утвердить.

15-е, Весь Государственный долгъ долженъ быть обезпеченъ особеннымъ закономъ, которой будетъ представленъ собранію.

16-е, Всѣ политическіе законы и правила касающіяся до власти надзирающей и службы Государственной, Великій Герцогъ будетъ приводить въ исполненіе безъ посредства Палатъ. Но что касается до общихъ законовъ которыя вновь начнутъ издаваться, они будутъ предварительно подвергнуты сужденію вѣрноподданныхъ его чиновъ.

17-е, Когда и одна Палата прошивъ шакого общаго закона, то онъ не будетъ приведенъ въ исполненіе. Но если Великій Герцогъ признаетъ его необходимость и пользу и ни что не перемѣнитъ въ томъ доказательствѣ, то онъ будетъ исполненъ, когда бы даже былъ согласованъ только одною изъ Палатъ и въ другомъ оныхъ собраній.

18-е, Сужденію Палатъ такъ же будутъ предсавлены предметы законодательства, касательно выгодъ нѣкопрыхъ провинцій и частныхъ лицъ.

19-е, Чины Палатъ не отвѣтствуютъ въ подаваемыхъ ими голосахъ и не могутъ быть взяты подъ спражу, во время ихъ засѣданія, развѣ съ согласія цѣлой Палаты, которой они принадлежатъ, и въ случаѣ тяжкихъ преступленій, но тогда томъ часъ должно извѣстить о семъ Палату.

20-е, Частныя постановленія опредѣлятъ образъ, коимъ должны быть созываемы Палаты. Когда будутъ Чины созваны, то собраніе откроется самымъ Великимъ Герцогомъ лично; или кому онъ въ семъ случаѣ сдѣлаетъ препорученіе. По открытіи засѣданія чины даютъ слѣдующую присягу: „Клянусь вѣрностию Великому Герцогу, повиновеніемъ закону, почнымъ сохраненіемъ Конституціи, и что буду совѣщаться въ собраніи о благѣ общемъ, по внутреннему убѣжденію, и частномъ независимо отъ чьихъ либо наущеній.“

В е л и к о б р и т а н і я .

Лондонъ, 25 Марта н. с. Король Георгъ IV имѣлъ въ Карльсонъ-Гузѣ собраніе, на которомъ присутствовали всѣ почти Министры. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій поднесъ Его Величеству отъ Императора Австрійскаго письмо съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ и имѣлъ аудіенцію какъ и многіе другіе посланные отъ своихъ Дворовъ съ тѣмъ же препорученіемъ.

На сихъ дняхъ обвиненный Гунтъ произносилъ защитительную рѣчь. Онъ началъ говорить съ 10 часовъ утра и продолжалъ до трехъ по полудни и старался доказать, что собраніе 16 Августа въ Манчестрѣ не заключало въ себѣ ничего прошивузаконнаго.

Ф р а н ц і я .

Парижъ, 28 Марта н. с. Въ Монистерѣ сего дня обнародованъ законъ о личной свободѣ. Въ сей же газетѣ отъ 16 Марта содержатся слѣдующія новости относительно Испаніи. Въ Севиллѣ присягали Конспитуціи 10, а въ Кадиксѣ 9 Марта въ присутствіи Генераловъ Фрейера и Вилла Виценціо и арміи. По письмамъ изъ Севиллы отъ 11-го извѣщаютъ, что въ Кадиксѣ происходили безпокойствія, при которыхъ до 60 человекъ лишились жизни.

Въ Мадридѣ въ Государственной Совѣтѣ назначено 20 членовъ, которые были въ ономъ и въ 1812 году. По Конституціи ихъ должно быть 40. Кажется, что Король дожидается

собрания Коршесовъ, чтобъ имъ представить
Кандидатовъ на сіи незамѣщенные мѣста.

По спискамъ инквизиціи извѣстно, что съ
1481 года созжено было симъ судилищемъ
32,282 человекъ.

Находясь слухи, что въ Миланѣ, въ верх-
ней Италіи происходятъ безпокойства.

Ганноверъ, 24 Марта н. с.

Всѣ издержки на содержаніе арміи нашей
съ ея управленіемъ проспираются въ годъ
до милліона 80,000 экю.
